

СВЕТ ЛЮБВИ

И СОВРЕМЕННАЯ
ИРАНСКАЯ
ПРОЗА

ВЕРЫ

Коллектив авторов

Свет любви и веры (сборник)

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38842683

Свет любви и веры: Вече; Москва; 2018
ISBN 978-5-4484-0346-0, 978-5-907041-05-9

Аннотация

В этот сборник вошли произведения блестящих представителей современной иранской прозы. Реза Амир-Хани, Сейед Мехди Шоджаи, Надер Эбрахими и Сара Эрфани хорошо известны у себя на родине, а теперь их творчество доступно и российскому читателю. Авторы рисуют нам яркую картину повседневной жизни современного Ирана, показывают нравы иранского общества, но главная тема большинства произведений – конечно же, любовь.

Для широкого круга читателей.

Содержание

От издательства	5
Реза Амир-Хани. Насер-армянин	7
Сейед Мехди Шоджаи. Санта Мария	24
Лунолика	24
Останься здесь, сладкая моя!	35
Хватит на жизнь[10]	43
Эпидемия	51
Неумелый вор	57
Незаконченное дело	65
Шахский родственник	75
Современный Каин	87
Ошейник волдырей	93
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Свет любви и веры

© Андриюшкин А.П., перевод на русский язык, 2018

© Фонд исследований исламской культуры, 2018

© ООО «Садра», 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

От издательства

Авторы необычного сборника, который читатель держит в руках, – блестящие представители иранской прозы: Реза Амир-Хани, Сейед Мехди Шоджаи, Надер Эбрахими, Сара Эрфани. Писателей волнуют актуальные проблемы, с которыми сталкиваются их современники, они остро реагируют на изменения, происходящие в иранском обществе, останавливаются на мельчайших подробностях обыденной жизни, дать оценку которым подчас очень непросто. К историям, собранным в этой книге, невозможно остаться безразличным: написанные с большим мастерством и искренностью, они трогают до глубины души, болью, грустью или тихой радостью отзываются в каждом неравнодушном сердце.

У каждого писателя в этом сборнике своя история и свои герои: они принимают судьбоносные решения и совершают смелые поступки, боятся и ошибаются, радуются и печалются. Но при всем разнообразии характеров и судеб их объединяет одно: они просто люди, неидеальные, настоящие, сомневающиеся, ищущие себя и Бога. Этот авторский прием позволяет заставить нас, читателей, оглянуться вокруг, вникнуть в суть происходящего в нашей собственной жизни. Этому же замыслу подчинена и композиция сборника, «стержнем» которого является авторское настроение – порой добродушное и оптимистичное, порой спокойное и

грустное, а иногда мечтательное и светлое, неизменно излучающее теплый свет любви и веры.

Каждое произведение в этом сборнике – будь то короткий рассказ, повесть или роман – необычны по сюжету, форме и языку. Здесь вы увидите и печальную историю о жизни Насера-армянина, чье прозвище предопределило его судьбу, и яркую россыпь рассказов о любви и вере, где реальность удивительным образом переплетается с вымыслом, и невероятно трогательный роман о том, как обрести путь к Богу, героев которого – иранку Негар и американца Николаса – объединила электронная переписка, и эмоциональную повесть о возвращении домой после долгого изгнания. Перед нашими глазами проплывают яркие картины повседневной жизни современного Ирана, поражающие реалистичностью и правдивостью. Вместе с главными героями мы пытаемся преодолеть все – страхи, страдания, несчастья и другие тяготы, всей душой стремясь к добру, истине и справедливости. Органично дополняя друг друга, эти истории во всей полноте отражают окружающую действительность, современные реалии иранского общества, заставляют снова и снова размышлять о вечной борьбе добра и зла, нравственности и порочности, вере и неверии, любви и ненависти, свободе и предопределении.

Кандидат философских наук Ю.Е. Федорова

12 апреля 2018 г.

Реза Амир-Хани. Насер-армянин

Рассказ

Говорят, что Насер еще не родился, когда отец его купил дом выше Хасан-абада. Говорят, что отец Насера взял вторую жену и после этого вынужден был купить этот новый дом – «обновить свое ложе». В прямом смысле поговорки. Первая жена – на улице Мохтари, в старом, унаследованном от предков доме, и вторая – выше Хасан-абада, в армянском квартале.

Новая жена первыми родами произвела на свет мальчика, этого самого Насера. Дом ей супруг купил большой и красивый, в два раза просторнее старого. Не то чтобы он был так уж покорен красотой ее глаз и бровей; дело было скорее в дешевизне. В армянском квартале – расположенном всего двумя перекрестками выше площади Шахпур – земля стоила вдвое дешевле. В квартал этот, кроме гуляющих пьяниц-холостяков, никто не заходил, причина тому: винный магазин и распивочная «крошки Петросяна». Поговаривали и еще кое о чем, кроме вина, хотя на самом деле армяне не очень этим увлекались. А если увлекались, то чужих к этому не допускали.

Поступок отца Насера не был лишен мудрости. Если бы вторая жена его осталась в прежнем квартале, она, несомнен-

но, сделалась бы мишенью для порицания. И так уже и в кофейне Хосейна-турка Моуляви, и в «Сахарной мечети» Хани-абада (мечети Канд) этот второй брак стал притчей во языцех.

– Старик совсем стыд потерял.

– В таком возрасте – неприличный поступок.

– Однако же он – мужчина: сына смастерил. Надо бы зайти глянуть, какой аптекарь его пользует.

– А что сын? В таком возрасте – бахрома на гроб этот сын.

– А мамочка у сына молоденькая. Старик помрет, она дом сразу слопает и стаканом воды запьет.

– Нет, он по уму сделал: дом записал на сына. Если бы на свое имя, сыну бы ничего не досталось.

Дом был большой. В те времена в документах не писали площадь, лишь указывали границы. На севере – до церкви Девы Марии, на западе – до владения Стефаняна-повозочника. На востоке – до дома еще одного армянина. Если бы там всё не снесли, то сегодня владение бы насчитывало, вместе с участком, две тысячи квадратных метров.

Когда Насер достиг школьного возраста, мама записала его в школу Хакима Низами, расположенную ниже площади Шахпур. Очень долго приходилось мальчику идти, пока доберется до школы. На счастье, полпути он проделывал в компании мальчишек из своего квартала. Те, не доходя до Шахпура, сворачивали в «Школу падре Хакупяна», а Насер следовал дальше до школы Хакима Низами. И, как знать, мо-

жет быть, именно с этих пор за ним закрепилось прозвище «армянин». Оно было не совсем беспричинным, ведь Насер, покидая школу, неся бегом к ребятам из своего квартала, чтобы вместе вернуться в Хасан-абад. Пару-тройку слов и по-армянски выучил.

– Пийтар барук ари, Хаким Низами!

И вот в своей школе его прозвали Насером-армянином. Его это не обижало, даже нравилось. Иногда он учил своих одноклассников армянскому языку. Нескольких самых отъявленных хулиганов научил сочным армянским ругательствам, и они преследовали соседей Насера аж до Хасан-абада, повторяя всё те же два-три армянских нехороших слова. По этой причине армяне осердились на Насера, и ему пришлось долго упрашивать их, чтобы с ним заключили мир.

Насера-армянина не сильно обижала его кличка. Может, потому, что в те времена у каждого было свое прозвище. Долговязого дразнили «двухэтажным», обладателя косо́й походки – «одноплечим». Того, кто часто ходил в гости, обзывали «дармовым». И Насер, видя, что его не зря так кличут, не злился и не протестовал.

Первый раз его обидела кличка, когда он предложил пирожное – баклаву¹ – сыну Хаджи, имама соборной «Сахарной мечети». И сын Хаджи без экивоков ему ответил: «Батка говорит, не приведи Аллах, чем-то угостишься у Насера-армянина. Они нечистые, очищению не подлежат. Если

¹ *Баклава* – пирожное в виде трубочек с начинкой из миндаля и т. п.

съешь баклаву – тут она тебе всем миром вспыхнет в животе».

– Папа твой так и сказал – про баклаву?

– Ага. Папа мой ни перед чем не остановится. Глаз у него зоркий. И про тебя всё знает, и про дедов твоих, и про отца-двоеженца.

Насер не смог ничего ответить. Может, потому, что с неармянами он не так часто и сталкивался. Он забрал пирожное, а, отойдя от сына Хаджи, буркнул под нос: «И не надо... иди к черту!»

Его это очень обидело; но это было только начало. Ему еще не исполнилось пятнадцати, когда учитель шариата отвел его в сторонку и сказал, что мусульманином надо быть до глубины души, именно с душой произносить исповедание. Насер расплакался. Пришел домой и нагрубил матери, она, в свою очередь, всю вину свалила на отца-двоеженца. Но, видя, что Насер действительно расстроен, дала ему сумму карманных расходов на месяц, чтобы он на эти деньги угостил одноклассников и чтобы они перестали называть его «Насером-армянином».

Он пригласил ребят на угол улицы Мохтари к мороженщику Акбару Машди². Всем купил «молочного с морковью», потом еще по порции «мороженого-соломки». И все дали ему слово, что не будут его называть «Насером-армя-

² «Машди» или «машхади» называют людей, совершивших паломничества в Мешхед к мавзолею Имама Резы.

нином» – однако уже через пару-тройку дней это слово нарушили. Они только сейчас поняли, что он переживает из-за этой клички. И вот на третий день хулиганы из класса так переиначили известную песню:

– Мясо из конины! Насера-армянина!

– «Мороженку» переварили, а хлебушек выкакали.

– Мы хотим еще с морковкой, мы хотим «мороженку»...

– Люблю я «дашти»³ Акбара Машди!

А потом хором пели, всё убыстряя темп:

– Мясо из конины! Насера-армянина! Мясо из конины!

Насера-армянина!

* * *

Кто мог предположить, что простое прозвище столь радикально повернет судьбу человека? Но Насер за всю жизнь так и не освободился от проклятья этой клички. Конечно, он и сам был виноват. Когда отец умер, мать всячески настаивала, чтобы Насер продал дом, но он не согласился. Мать не нуждалась в этом доме, хотя не была она и совсем бескорыстной. После смерти отца Насера, едва закончился срок, когда по шариату запрещен повторный брак, она стала второй женой торговца из Мешхеда. И на голову Насера свалилось единоличное владение землей площадью в две тысячи квадратных

³ «Дашти» – название одной из мелодий иранской классической музыки.

метров. А у него еще и борода не росла. Если бы он в это время преодолел свою жадность и продал дом, то, возможно, освободился бы начисто от проклятья своей клички. Но он не продал, и кличка на нем осталась.

Квартал этот он почти полюбил. Его собутыльниками здесь были Петр, Эдвин, Армонд и прочие. В Тегеране того времени открылись и другие винные магазины и бары. Одно заведение в «квартале голытьбы», то есть в районе сегодняшних «Ворот Шемирана». Еще одно на – углу Арсенальной, ниже площади Шахпур, и еще две-три точки; но старожилы утверждали, что распивочная «крошки Петросяна» – это нечто особенное. Вино он делал сам, и его яблочное вино в Тегеране было вне конкуренции. Работники иностранных посольств и консульств все у него отоваривались. Говорили, что у него две большие винные бочки: одна для армян этого квартала, другая – для остальных клиентов. И пьющие ребята из района Мохтари бахвалились, что якобы однажды Петросян ошибся и налил им из первой бочки. И они не уставали рассказывать, как с одного стакана человек становится в стельку пьяным, и много чего еще прибавляли; однако пьяницы со стажем не верили: мол, невозможно, чтобы старый пес сделал такую ошибку.

Что же касается Насера... Всякий раз, как Насер-армянин приходил в лавку Петросяна, тот приносил ему арака из треснувшей бочки, которая не была ни первой, ни второй. Зелье из нее было еще качественнее, чем из первой, и прода-

валось оно лишь немногим особым клиентам, одним из которых был Насер. Щедрый и веселый, как все ребята в Тегеране, но, что важнее, еще и собственник владения в две тысячи метров посреди армянского квартала.

В двадцать с чем-то лет Насер, как и положено в этом возрасте, решил жениться. Вначале он хотел взять в жены сестру одного из местных парней – Эдвина; но родители девушки отказали ему. Они его даже в дом не пустили, передав, что армяне девушек за неармян не отдают!

Тогда Насер кинулся за помощью к соседу – священнику церкви Девы Марии. Он принял праведный вид и однажды после полудня попросил священника пожаловать ручку для поцелуя...

– Падре... Я твой слуга. Всю жизнь был тут вашим соседом, и тень ваша укрывала мою голову. Господь знает, что по воскресеньям я просыпаюсь под ваши молитвы, я плачу с вами (тут он начал всхлипывать) и воздеваю руки к небу. Вы знаете, что Бог есть Бог. Он не отличает армян от мусульман. И вы знаете, что все, и даже вы, падре, называют меня «Насер-армянин». Клянусь именем Девы Марии, но это несправедливо, это не по-соседски, и вообще...

И он припал поцелуем к большому перстню с камнем на руке священника. Тот раздраженно поднял голову Насера и резко ответил ему:

– Падре, падре... Устраиваешь мне цирк! Вставай и иди по своим делам. Армянин, тоже мне! Ты роняешь честь

квартала! Ты мусульманин? Ты всех армян сбиваешь с толку. Молодежь вообще в храм перестала ходить. Ты у незаконнорожденного Петросяна первый и главный клиент... Если ты по воскресеньям просыпаешься в полдень от наших молитв, то мы в субботу всю ночь не спим от ваших криков и гульбы с Эдвином и этими, прочими... Вставай и иди восвояси! Гуляка бессовестный, тушэ ардумэ!

Насер вышел из церкви и даже не оглянулся. И после этого всякий раз, напиваясь в лавке Петросяна, пока держался на ногах и ворочал языком, не переставал поносить священника:

– Падре, падре... Да если бы мой отец и четырежды женился, всё равно не чета был бы этому придурку... Петрус! Он тебя называет незаконнорожденным. Подлец этот, чтобы тебе насолить, церковные деньги относит на Шахпур, покупает водку у Матеуса. Смейся-смейся! А он пьяница перво-статейный, вне конкуренции. Этот подлец – мой сосед, и я его знаю. Мы с ним по пятницам пили, и я с ног падаю, а у него ни в одном глазу. Десять полных стаканов, говорит: мало. Он роняет честь звания святого отца! И не только этот грех. Знаешь, почему он не женат? Почему ему не разрешили в храме школу открыть? Храни Бог господина епископа! Это человек понимающий. А подлецу этому доверять нельзя, сам епископ сказал. Говорит, мальчиков наших нельзя ему в руки отдать!

Постепенно из-за таких речей Петросян был вынужден

закрыть Насеру доступ в свой магазин. Треснувшая бочка куда-то пропала, и то же произошло с бочкой номер один. Осталась лишь бочка номер два, и, естественно, Насер-армянин, чтобы не угробить печень и зрение, переместился на площадь Шахпур, в бар Матеуса. Когда там напивался, говорил так: «Признаюсь вам, сестра Эдвина была не подарок. Моя мама, бывало, к зеркалу подойдет, скажет: армянки, пока молоды, ничего с лица. Но с возрастом такие, простите, рожи... Дорогие мои мусульмане! Матеус тоже мусульманин. Что касается незаконнорожденного Петросяна... Треснувшая бочка, и первая бочка, и вторая бочка – всё одна моча. Разницы нет... Дорогие мои мусульмане!»

В этом же баре он принял решение жениться на мусульманке. На дочери одного из виноторговцев, что держал лавку на рынке площади Шахпур. Отправился домой к своему отчиму – тому самому торговцу из Мешхеда – и попросил мать сопровождать его для сватовства. Но семья девушки решительно отказала ему.

– Если бы он был только пьяница, как-нибудь с этим бы сладили. Если бы только безработный – Хаджи нашел бы ему работу. Речь не об этом идет. Мусульманство его подозрительно, вот что. Ведь его же называют: Насер-армянин!

Его мать, не вступая в дискуссии, удалилась. А Насеру дала взбучку и все его неудачи объяснила его жадностью. Он не послушал мать и не продал дом, и за это Господь его наказал.

И Насер, не для того чтобы выполнить совет матери, а

имея в виду свою женитьбу, раздробил свой участок для продажи. Разрезал его на десять частей по двести метров. Первым покупателем стал священник церкви Девы Марии, чья касса, видимо, была достаточна для этого. Много лет храму не хватало места для празднования Пасхи и Рождества, и они решили купить у Насера участок в двести метров и присоединить к своей земле. Насер сначала передал священнику, что интересующий церковью участок является жемчужиной его владений и продается по цене вдвое выше, чем остальные. Священник не отступил и согласился на эту цену. Насер думал три дня и принял решение. Он продал все участки, кроме именно этого, возле церкви. Выручил серьезные деньги и купил дом на улице Шахпур и лавку на рынке там же. Некоторую сумму отдал матери. Потом однажды на дневной намаз явился в «Сахарную мечеть» и подошел к мулле-предстоятелю. Рассказал о своей жизни и объявил, что для освящения имущества хочет отдать землю в вакф⁴ для строительства новой мечети – между прочим, в армянском квартале. Да еще рядом с церковью Девы Марии. И мулла на виду у всех притянул к себе голову Насера и поцеловал его в лоб. Сказал, что хадисы гласят: в земле и владениях немусульман мечеть имеет особую ценность. И посадил Насера в первый ряд среди стариков. И Насер впервые в жизни с трудом прочитал свой намаз!

⁴ *Вакф* – термин в исламе, обозначающий безвозмездную передачу любой недвижимости под использование, главным образом в религиозных целях.

С того же дня он принялся за дело. Рабочие, фундамент, стройматериалы. Теперь его не видели ни у Матеуса, ни у Петросяна. Покупал спиртное фляжками и пил по-тихому дома. И все старики квартала при встрече целовали его в лоб.

– ...Храни его Аллах. Молоком вскормлен чистым. Парень к корню своему вернулся.

– Если в таком квартале человек так проявился, это о многом говорит.

– Вот отец-то, выходит, мудро поступил, храни его Господь!

– Подумай только. Каждый полдень в центре кяфирестана, возле церкви Марьям, азан поет.

Не прошло и двух месяцев, как на участке выросла мечеть. Пол ее был каменный, стены украшены изразцовой плиткой. Купили готовую изразцовую панель, заметную издали, где красовалась арабская надпись: «Да освятится сия мечеть». Другой изразец сделали на заказ, там было написано: «Обращено в вакф». И еще один, издалека видный, на нем начертали «Насер»⁵. И мулла-предстоятель соборной мечети еще не открыл новую, когда произошло два события. Первое: умер священник церкви Девы Марии. И второе: Насер женился-таки на дочери виноторговца!

⁵ Арабское слово «Насер», помимо имени человека, означает также «спаситель, избавитель» (эпитет Бога); кроме того, «помогающий, дарующий победу».

Насер привел в дом жену, двинулись и дела в его новом магазине. А не прошло и года, как Бог дал ему сына. Теперь он был – известная личность. «Тот самый Насер, который в армянском квартале отдал землю в вакф и построил мечеть». Зять известного хозяина бара на базаре Шахпур. Он всё еще оставался клиентом Петросяна, но часто вечерами ходил и в мечеть. А того, что у него в кармане плоская фляга, никто не знал. Дела его шли неплохо, но невезение проявлялось тогда, когда его хотели представить новым знакомым. В мечеть Канд явился новичок, и старики, занимавшие места в первом ряду, подвели его к Насеру.

– Знаком с Насер-ханом?

Новичок смотрел непонимающе.

– Нет. Не припомню как-то.

– И-и... Ну, Насер-хан! Тот, кто в вакф отдал мечеть.

– Мечеть? Где это?

– В армянском квартале.

Новичок с облегчением вздохнул и поцеловал Насера в лоб.

– Теперь понял! «Мечеть Насера-армянина»! Искренне рад! Так бы сразу и говорили: Насер-армянин! Простите, что не догадался. Очень, очень рад!

Насер пробормотал, что и он рад, и пошел по своим делам.

Он уже сильно раскаивался в том, что отдал землю в вакф под мечеть. Вместо того чтобы поднять его в глазах людей, эта мечеть, наоборот, закрепила у всех на устах его кличку. И он говорил сам себе: завтра мой сын вырастет, и сможет ли он высоко нести голову перед соседями и посторонними? Его отца все называют Насером-армянином... Он вспомнил собственное детство, когда о его отце все говорили «двоеженец». И он бормотал: «Двоеженец – о ком же это? О мусульманине! А ведь Аллах разрешил брать четыре жены! Однако кличку „армянин“ не смыть даже водой из святого источника Каусар!»

В конце концов он до того расстроился, что не видел иного спасения, кроме беседы с предстоятелем мечети Канд. И однажды пришел к нему в полдень: «Хаджи... Вы хорошо меня знаете. Я пожертвовал землю под мечеть для того, чтобы освободиться от проклятия этого квартала и этой клички. Конечно, мне за это уже было воздаяние. По милости Всевышнего взял жену и имею ребенка, но от клички никак не избавиться».

Мулла зажал бороду в кулаке и сказал Насеру, что надо потрудиться для Господа. Если бы его душа была чиста, не было бы этих переживаний. И кличка бы отклеилась; все забыли бы ее. Но мулла не лишил Насера надежды, указал ему путь. Путь, сказал он, заключается в том, чтобы совершить паломничество в Мекку. Посетив Мекку, он станет «хаджи», и кличка слетит с языков. Его будут называть Хадж-Насер.

Насер-армянин в том же году выполнил совет, отложив на поездку сумму, равную обычным годовым расходам. И поехал в Мекку!

* * *

Предсказание Хаджи сбылось в точности. Теперь все называли его Хадж-Насером, и никакого горя он больше не знал. Жизнь его сложилась. Дела шли без проблем, и постепенно он сам забыл, что когда-то его звали Насером-армянином.

Однако жизнь не остается неизменной. Через два года Насер-шашлычник, чье заведение находилось на улице Мохтари, отправился в Мекку. В этом как таковом проблемы не было, проблема возникла тогда, когда начинали говорить о «Хадж-Насере»...

– Там комната на продажу выставлена, это чья?

– Какая комната?

– Рядом с лавкой Хадж-Насера.

– С лавкой Хадж-Насера?.. Ничего там не продается. Я вчера там шашлык ел.

– Нет, друг мой! Да помилует Аллах отца твоего. Я не говорю о Хадж-Насере шашлычнике...

– Тогда сразу и уточняй, который Хадж-Насер. Ты имеешь в виду Хадж-Насера армянина.

– ...Не знаю я, кто там продает. Я как-то не заходил на

этот базар в последнее время. Узнай у самого Хадж-Насера армянина!

* * *

С тех пор прошло лет двадцать. Два года уже, как Хадж-Насера армянина нет в живых. На базаре Шахпур взорвалась иракская ракета. Она попала точно в дом Хадж-Насера, и погиб и он сам, и его жена. Его взрослый сын был в отъезде, ему сейчас двадцать лет. Порой он появляется в мечети. Он парень покладистый и тихий; быть может, потому, что после Исламской революции не стало ни лавки Петросяна, ни Матеуса.

Порой мы вспоминаем покойного, например, проезжая через Хасан-абад мимо его мечети. Церковь рядом с ней снесли, и вообще в этом районе теперь живут не только армяне, мусульман тоже насчитывается немало.

Вот и недавно, месяца два-три назад, вспоминали его. Мулла «Сахарной мечети» – новый мулла, да помилует Аллах бывшего муллу – говорил о патриотизме. Говорил, что патриотизм – тоже дело веры. Он говорил и говорил, не обращая внимания на то, что утомил стариков. Мечеть до сих пор регулярно посещают и те, кто при Насере были ее завсегдатаями, им сейчас по шестьдесят-семьдесят лет, стали, можно сказать, аскетами и молитвенниками. И вот мулла говорил о патриотизме и о том, что многие пошли на фронт

из патриотических соображений. О том, что не все герои, погибшие на войне, были мусульманами. Есть, мол, у нас и мученики-немусульмане.

Один из стариков, чтобы оживить собрание, выкрикнул из зала:

– Вроде Насера-армянина!

В этот день хорошо посмеялись и, как говорили старожилы, подбросили в старую печку новых дров. Ударились в воспоминания.

У стариков ведь других дел и нет. Каждый день они приходят в мечеть, полчаса терпят, пока прочтет свою проповедь мулла. Потом сидят и слушают выступающих из своей среды. Недавно, например, мулла говорил о хадже и о том, что он обязателен для каждого состоятельного человека. Сказал, что если кто-то состоятелен, но не выполнил этот долг, то он, умирая, не может считаться мусульманином. Сказал, что ему дают лишь выбор: умереть ли назарянином⁶ или иудеем.

С этого дня среди прихожан начались не совсем обычные разговоры. Один говорит: я видел сон. Другой говорит: я видел вещий сон. Третий рассказал, что уже давно, не во сне, а наяву, к нему зашел некто и поведал то-то и то-то... Тут надо сказать, что сын Хадж-Насера очень нехорошо себя вел с прихожанами. С ним старшие здороваются, он не отвечает... Как бы то ни было, от Хасан-абада и ниже под гору, в

⁶ Слово «назарянин» («назареец») в персидском языке имеет два значения: 1) христианин, 2) уроженец города Назарета, назареец.

районах Мохтари и Шахпур, рассказывали следующее. «Когда хоронили Насера-армянина, он был очень уверен в себе. Отдал землю в вакф под мечеть, совершил хадж, наконец, стал мучеником. Но вот он умер, и оба ангела, Накир и Мункир, явились к его изголовью. Да не постигнет вас беда в ваш смертный час! Да облегчит нам Аллах первый день после смерти. Не знаем ведь, что нас ждет. Да не увидят ваши глаза плохого дня. И вот явились два ангела и говорят: ни одна твоя заслуга не принимается. Ни одна! Ты, когда стал богатым, почему хадж не совершил? Насер-армянин говорит: я совершил хадж, все, мол, это знают, – но ангелы не соглашаются. Говорят: ты не для Бога это сделал. Ты богат был, а хадж не совершил. Теперь, мол, ты должен выбрать. Хочешь ли ты умереть назарянином или иудеем? Аллах велик! Да будет славно имя Его. Говорят, Насер-армянин задумался. Потом спрашивает у Накира и Мункира: назарянин и армянин – это одно и то же?»»

Сейед Мехди Шоджаи.

Санта Мария

Рассказы о любви и вере

Лунолика

Солончаковая пустыня напоминала искусанную зубами губу: запекшаяся, жаждущая. В поле зрения не было ничего, кроме следов засухи: пересекающиеся трещины и здесь и там колючки, которые выросли из сердца пустыни и терлись лицом о ее лицо.

Безмолвие солончака изредка тревожил легкий ветерок, обжигая голову и лицо мужчины зноем и раскаленным песком. Мужчина, одетый в рубашку на голое тело, снял ее, вытряхнул и хотел надеть опять.

Коснулся рукой головы, шеи, груди – всё было в пыли и полно песка... А руки – по-прежнему синевато-сизые! Когда он утром, испуганно озираясь, покидал село, ему встретился мальчишка, уставившийся на его лицо и руки, потом с любопытством спросивший:

– Господин! А почему у вас руки синие? И лицо тоже?!

И он попытался прикрыть лицо и выскочить из джунглей

мальчишеского любопытства:

– Не знаю, не знаю...

Но паренек не отставал, бежал вприпрыжку.

– А синева такая же, как лицо у Луноликой!

От этих слов мужчину словно опалило огнем, он повернулся к пареньку:

– А ты откуда знаешь Луноликую?

– А кто ж ее не знает?!

– Когда ты ее видел?

– Сегодня утром, все ее видели.

Паренек наконец отстал, и после этого у него ослабели ноги, он почувствовал себя таким разбитым, что опустился на землю.

«Куда же ты скроешься, позорище всего мира?»

Наверняка сегодня утром весь народ высыпал на улицы и собрался вокруг его дома, тянули шеи, чтобы получше рассмотреть этого опозоренного и обесчещенного. Гудели и галдели, забравшись на плоские крыши, на стены и даже на крыши двускатные.

Вот один вздыхает, сокрушенно качая головой:

– И это учитель наших сыновей!

– Кому только мы доверили дочурок наших! – вторит ему другой.

А третий:

– Да после этого и глазам своим верить нельзя!

А четвертый...

Да, нужно было сниматься и бежать из села. Какая-то сила вытолкнула его. Но бежит ли он от себя или от других? И куда? Он не знал. Разве что на новом месте никто не должен видеть его фиолетового лица и иметь возможность сравнить с таким же лицом Луноликой.

Оглянувшись, он всмотрелся в черную точку села позади, а потом измерил взглядом предстоящий путь. Такой вещи, как цель, он не находил в пространстве своего ума и солончаковой пустыни. Сунув руку в карман рубашки, он достал белый платок. Осторожно и неуверенно развернул его и открыл лицо зеркальца. Поднял зеркальце к глазам и проверил в нем свое отражение. Лицо было сизого цвета с оттенком черного или багрового. Словно кожу его поджарили на огне, и она вспухла: губы и часть щеки, именно те места, которые терлись о лицо Луноликой.

– ...Господин! Молочка вам принесла!

Так Лунолика начинала каждый его день. Она появлялась одновременно с поднявшимся солнцем и трижды, через равные промежутки, мягко ударяла по его двери. И мужчине казалось, что эти щелчки ее изящных вытянутых пальцев с ногтями красивой формы приходятся по его сердцу. Дверь он никогда не запирает. И вот уже в ее старинной раме появлялось небесное лицо этой девушки, чьи каштановые волосы ниспадали на плечи, а длинные и ровные ресницы, похожие на навесы от солнца, прикрывали ее хмельные кофейного цвета глаза. Кожа ее лица каждый раз напоминала мужчи-

не лепестки розы – дамасской розы, – посреди которых обнаруживался бутончик, называемый ртом.

В первый раз он подумал, что еще длится его утренний сон и что его посетило небесное видение, которого удостоиваются лишь ангелы в эмпиреях. Но когда густые ресницы медленно, плавно и величаво пошли вверх, когда рука протянула ему пиалу с молоком, когда губы... губы дрогнули, произнеся:

– Господин! Молочка вам принесла!

Тогда он осознал, что картина в раме – это не сон, что это даже и не картина, а... А что это, он не понял. Но, что бы это ни было, оно повторялось каждое утро. Девушка приходила мягко и почти бесшумно, отдавала в руки мужчины пиалу с молоком, забирала вчерашнюю пустую, и внезапно картина исчезала из рамы. И как он ни напрягал ум и память, так и не смог понять, где он раньше видел эту девушку. Никого прошлого в его сознании она, кажется, не имела. Но как такое могло быть? И он вновь по одной перебирал учениц, которые все эти годы сидели на его уроках и слушали его, и глядели ему глаза в глаза... Но где же была ты, Лунолика?

Тем вечером он вышел из дома, не пригладив даже волосы и не взглянув на себя в зеркало, и пошел бродить по улицам и улочкам села, обследуя их одну за другой, то попадая из переулка на небольшую площадь, то минуя порядок домов и оказываясь на перекрестке. И всем, кто его приглашал выпить чайку или просто зайти, он отвечал смущенным при-

ветствием и проходил мимо. И дошел до реки, где девушки обычно занимались стиркой. И одна из них, повесившая на ветки куста свою голубую с цветочками чадру, сказала ему так:

– Как же вы ушли из дома, господин? Если что-то нужно, вам только сказать...

– Вышел проветриться, – ответил он ей и пошел дальше, и продолжал бродить, хотя спускалась ночь, но он не замечал темноты до тех пор, пока мальчишка не принес ему фонарь и не сказал:

– Без света упадете, господин!

И настоял проводить его – возвращающегося домой с пустыми руками и с пустым взглядом.

Расспрашивать о ней кого-то он не решался. Предпочтительнее было повторять эти слепые поиски, только бы никому не доверить свою тайну.

В эти несколько недель он совершенно перестал читать и писать, забыл, что это такое. Все его мысли были сосредоточены на Луноликой, которая появлялась каждое утро, зажигала в нем костер и исчезала.

Почему за всё это время он ни разу не пообщался с ней? Почему не втянул ее в беседу? Почему не уговорил ее присесть на два слова или хотя бы постоять? Но что за дерзость?! Казалось труднейшим в мире делом, практически невозможным, заговорить с таким идиолом красоты и воплощением изящества.

За это время – правда, при условии, что это вообще было возможно, – он должен был бы всю свою сконцентрированную волю перелить в свой собственный взгляд, чтобы хоть частичка надменной красоты переместилась бы из этой рамы в его жизнь или чтобы изящество ее хоть чуть-чуть было раздавлено, запачкалось бы под его взглядом.

Он вновь завернул зеркальце в платок, а рубашку накинул теперь на голову, чтобы не так пекло солнце. И двинулся дальше к своей, неизвестной ему самому, цели. С каждой минутой всем его существом всё больше завладевала жажда.

За всё время встреч с Луноликой ему ни разу не пришло в голову поцеловать ее или дотронуться до нее. Даже сегодня утром до ее появления у него не было этой мысли. Между искрой решения и действием не возникло вообще никакого промежутка.

Лунолика правой рукой протянула ему пиалу, он также правой взял ее и поставил на скамью возле двери. Сначала он протянул левую руку к щеке Луноликой, потом правую – к другой щеке. Ее маленькие губки раскрылись в смущенной улыбке, а на щеках мгновенно выступил слабый розовый румянец. И он коснулся губами щеки Луноликой, и... Когда отодвинулся от нее, то увидел, что щека ее стала такой же фиолетово-синей, как его собственные губы и руки.

В этот миг всё его существо поглотили стыд и растерянность. О том, что место поцелуя синеет, он никогда не читал и не слышал. И он уставился на собственные руки, на пальцы

и ладони: все те места, которыми он коснулся Луноликой, отливали темной синевой.

Когда он пришел в себя, девушки уже не было. Он посмотрел в зеркало рядом с дверью, увидел свои синие губы и щеку, и в глазах его потемнело. Колени подогнулись. Он прислонился к дверному косяку и бессильно сполз на пол.

Изумление, стыд и растерянность, впрочем, произвели эффект холодной воды, быстро приведя его в чувство. И подумал он не о себе, а о чести Луноликой, которая вот-вот окажется втоптанной в деревенскую землю.

Он рассуждал так: по отдельности ни его, ни ее пятна не дают повода для обвинений или подозрений. Кто там поймет, почему на его лице появилось родимое или, как говорят, «махгеревтеги»⁷ пятно или откуда оно взялось на щеке Луноликой? Но присутствие их рядом друг с другом, по крайней мере в пределах одного села – это был несомненный позор. И он решил, что ради чести девушки – кем бы она ни была – он должен сняться с места и бежать, исчезнуть; иначе она будет опозорена.

И он не взял с собой ничего, кроме маленького зеркальца. Не захватил даже фляги с водой, а ведь в этой пустыне она продлила бы ему жизнь.

Язык его уже превратился в жесткий тяжелый камень, а

⁷ По иранскому поверью, если беременная женщина увидит лунное затмение, то на ее теле якобы появляются родинки или пятна, переходящие на соответствующую часть тела ребенка. Такие родинки называют «лунными пятнами» – «махгеревтеги».

трещины на губах смачивала лишь его собственная горячая кровь. От человеческого жилья он, может, ушел не так и далеко, но села давно уже не было видно; жар пустыни дрожал, точно слезы в глазах, и ничего в той стороне он не мог разглядеть. Он чувствовал, что последние его силы уже вышли с паром и потом тела, и, сам не желая того, опустился на землю, а еще прежде закрылись его веки.

Пустыня слилась в его сознании с собственным телом: оно лежало теперь под этим солнцем, которое каждый миг ударяло копьём своего луча, и возникали новые трещины. Он знал, что погиб, и всё же еще не чувствовал, что окончательно перешел границу жизни и смерти. Лицом он прижался к телу пустыни, а руки чуть откинул в стороны, как топырит плавники выброшенная на сушу рыба.

Постепенно в кожу его лица начало проникать ощущение влаги и прохлады. А ведь влага – была сама жизнь, она словно впрыскивала силы в умирающего. И он почувствовал приятную дрожь, пробежавшую вначале по его лицу, а потом и по всему телу. В неподвижный труп как будто возвращалась жизнь.

Он оперся на локоть и оторвал лицо от земли. И погрузил полумертвые руки во влажную почву, и, вынимая ее, начал втирать ее себе в голову, в лицо и в грудь. И с каждой вынутой горстью дно ямы становилось влажнее и прохладнее. Яма была меньше половины локтя глубиной, а уже начала выступать прозрачная вода. И уже посредничество рук стало

невыносимым, и он прямо погрузил лицо в эту лужу, позволив губам и рту насладиться прохладой воды.

На ноги поднялся словно бы уже другой человек: живой и веселый, освежившийся. Вспомнив о руках, поднял их к глазам.

Руки свои он рассматривал со страхом и сомнением. Но никаких пятен на них теперь не видел. Он беспокойно начал искать зеркальце и не находил его, обшарил всё вокруг, но и платок, и зеркальце куда-то исчезли. И взгляд его невольно упал на собственное отражение в воде – а вода эта была чище зеркала... И она показала ему, что синева с лица исчезла без следа.

А как там Луноликая?! Этот чудотворный источник вначале должен бы омыть ее лицо... Он посмотрел на горизонт, и село показалось ему ближе, чем представлялось раньше. Следовало как можно скорее познакомиться лицо девушки с этой водой. И весь обратный путь до села он бежал, не чувствуя усталости. Но, достигнув села, ощутил в сердце безжалостную тяжесть прежней тоски. Где теперь он будет ее искать?

Разве он раньше видел Луноликую где-нибудь, кроме порога своего дома? Значит, нужно было торопиться домой, там было больше надежды. Однако... Не в это время дня, только утром. А как он выдержит до завтрашнего утра? Да и появится ли она после того, что случилось сегодня у него на пороге? Кстати, мальчишка давеча сказал: Луноликую зна-

ет всё село. Но разве «Лунолика» – это не то имя, которое он сам дал этой похожей на пери девушке? Настоящее же ее имя, ни разу с ней не заговорив, он так и не узнал.

Откуда же тогда знал ее мальчишка? И каким образом весь народ села знал о девушке с таким именем? У первого же встречного он спросил:

– Не знаете ли вы девушку по имени Лунолика?

– Нет... Господин, вы...

Он прошел мимо. Не стал останавливаться и что-либо объяснять, хотя вид его мог дать повод для изумления. Теперь ему не до чести было и не до приличий. Он даже у мальчишек в переулке спросил:

– Девушку по имени Лунолика...

Молоденький сапожник-подмастерье ответил вопросом на вопрос:

– Господин, ведь вы всё время дома, где же вы видели такую девушку?

А старый хозяин лавки сказал:

– Вам самим это лучше знать, господин учитель! У нас в селе ни одну девушку так не зовут.

Дошел до поворота на свою улицу, и никто ничего не знал о девушке с такими приметам.

Но повернул к себе – и увидел ее силуэт перед своими дверями. Ошеломленный, растерянный, он так бросился к ней бегом, что пару раз споткнулся и едва не упал.

– Вы? В это время?

– Я пришла пиалу забрать.

Всё такой же сбитый с толку, но уже покорный ей и как бы ею прирученный, он вошел к себе и вышел с пиалой. И, отдавая пиалу ей в руки, вспомнил о пятне на ее лице. Всмотрелся: ни следа от синева. И спросил с изумлением:

– А пятно на вашем лице, фиолетовое?

Невыразимо нежны были движения ее глаз и губ, когда она ответила:

– Исчезло.

– Каким образом?

– В то самое время, когда вы умывались в источнике в пустыне, около полудня.

И Луноликая достала из-за пазухи своей голубой рубашки сложенный платок и протянула ему – платок, который он хорошо знал...

– Кстати! Это ваше зеркальце, вы его забыли в пустыне.

Прежде, чем он пришел в себя и сумел выразить свое изумление вопросом, Луноликая ушла, и рама вновь оказалась пустой. И со следующего дня пустую раму его взгляда наполняли только неясные ожидания.

Останься здесь, сладкая моя!

Опасность! Опасность! Снова опасность!

Куда бы ты ни сунулась, тебе в первую очередь прямо в глаза таращатся, потом взглядом измеряют твои стати, а потом, уже не скрываясь, думают о том, как наложить руку на всю тебя.

Словно ты не человек, а чья-то ходячая бесхозная собственность. Словно ты инструмент, который должен без вопросов удовлетворять чужие прихоти.

И вот я поставила фотографию Джавада по одну сторону от себя, а баночку с таблетками – по другую. И сказала так:

– Джавад! Так больше не может продолжаться. Как оно продолжалось доселе, не знаю, но больше не может. Я измучилась от всех этих ударов! От этой невыносимой жизни! От этих ненормальных людей! Я измучилась от этих наглых взглядов! От еще более наглых душ и от дерзких языков!

Если ты и правда шахид⁸, то ты не можешь бросить на произвол судьбы твою жену и детей!

Ты ушел в мир иной и наслаждаешься в нем, а меня с двумя детьми покинул на милость Божию. Но где справедливость Аллаха в таком решении? Может, я богохульствую, но

⁸ *Шахид* – в исламе это понятие применяется как в отношении свидетеля на суде, так и в отношении верующих, принявших мученическую смерть на войне против врагов, сражаясь во имя Бога, защищая свою веру, родину, честь, семью.

Господь Сам знает, что, кроме Него, у меня нет никого и что я ни за какую цену не соглашусь отказаться от Него. Но от творений Божьих я страдаю, я их ненавижу, и они мне надоели.

Прошлым вечером я сказала Господу: Ты решил показать мне этих людей, но тогда зачем Ты показал мне Джавада и его соратников? Лучше бы мне либо не видеть тех дней, либо не видеть этих!

А дни, Джавад, настали поистине плохие. Бескорыстно теперь воды попить не дают. Я упомянула воду; и, кстати, вспомнила, что воды-то я и не приготовила для всех этих таблеток.

Я встала и, продолжая говорить с Джавадом, пошла за водой. Я сообразила, что нужна не холодная вода из холодильника, а вода из-под крана, в ней лучше растворятся таблетки. В особенности такое множество таблеток, нужное, чтобы они свою работу сделали быстро и надежно.

– Ты тоже, если бы был здесь, Джавад... То же самое бы сделал! Стать шахидом куда легче, чем выносить эту оскорбительную жизнь. Чтобы стать шахидом, нужно отрезать себя от всего и... потом присоединиться к другим. А я уже давно отрезана от всего. Осталось лишь присоединиться, и я для этого сделала приготовления.

Я высыпала все таблетки из баночки в кружку и начала размешивать.

– Отличие меня от шахида в том, что шахиду требуется

пригласительный билет, а я иду «самоходом». Шахиду выдают как бы загранпаспорт с визой, а я... У меня его нет, Джавад! Я это понимаю. У меня простое удостоверение личности, да и его я сейчас рву на куски. Я становлюсь беженцем. Незаконным мигрантом, который не надеется на паспорт с визой... И не смотри ты на меня так, Джавад! И не усмехайся! Я знаю, что самоубийство – это самая позорная вещь на земле. Но еще позорнее и еще невыносимее продолжать такую жизнь. Если бы ты сам видел сегодняшней день, ты знал бы, что терпение стало моей привычкой. Видеть и слышать эти слова и эти дела, сталкиваться с этой грязью и ненормальностью...

Я привыкла к терпению не в том смысле, что научилась не обращать внимания. Я научилась уходить от жизни и отказываться от всего того, что в обычных условиях считалось бы необходимым.

Вот ты мажешь лицо простым, обыкновенным кремом, чтобы снять сухость кожи, а самые близкие люди тебе вдруг задают такие вопросы: это зачем ты? Ты это для чего? Ты это для кого? Предпочтешь тут отказаться и от главного, и от второстепенного и довольствоваться тем, что есть. Это и есть то, что я называю «привыкла к терпению».

Я упомянула мелкие заботы, но перейдем к крупным проблемам, которые висят на шее у любого человека, и, пока ты не подмажешь нужным людям, проблема твоя не решится.

До того тебя доведут, что ты ради спасения своего, чтобы

только в живых остаться, всё что угодно отдашь. Откажешься и от пропуска мэрии, и от обращения в суд, и от полагающейся ссуды, и даже от зарплаты и от всех обычных прав.

Со всем этим я смирилась, я ушла с моей любимой работы в больницу, я сделала себе укол в глазное яблоко, чтобы получить инвалидность... Но теперь я чувствую, что больше так не могу.

Я чувствую, что продолжение такого положения вещей невозможно и что смерть будет благороднее такой жизни.

Вчера вечером зашел твой брат. Заглянул проведать меня и детей своего брата. Я говорю ему: где ты был всё это время? Не сказала ему: где ты был всё то время, когда Джавад был на фронте. Я не затронула его чести, наоборот, оказала ему уважение по причине того, что он из твоей же ткани – пусть заплатка всего лишь, – я ни словечка об этом не проронила. Собравшись уходить, он нагло посмотрел мне в глаза и сказал: «Если какая-то проблема, дело какое – я к твоим услугам».

Я решительно ответила: «Никакой проблемы нет. Спасибо».

Он не уходил. Стоял в дверях и продолжал: «А как может у столь молодой женщины не быть потребностей?!» Ну вот, если бы ты здесь был – что бы ты сделал?

Я сделала то же самое: плюнула ему в лицо. И захлопнула дверь перед его носом, а потом редела до утра.

Утром детей раньше обычного спровадила в школу, а на

их вопросительные взгляды сказала: хочу пойти к вашему папе.

Тогда начались вопросы: мы же по пятницам всегда ходили вместе? Почему сегодня? Почему одна?

«Душа болит, – ответила я, – и, кроме вашего отца, никто не успокоит».

Притихли детеныши мои и ушли, а мне сейчас труднее всего представить эту картину, как они приходят, поворачивают ключ в замке, открывают дверь и видят бездыханное материнское тело.

Представить это тяжело. Но еще тяжелее – продолжение такой жизни.

...Таблетки уже полностью растворились, и вода в кружке потемнела, а на дне ее – белый осадок. И я взяла эту кружку и выпила всё залпом. Произнесла мусульманскую вероисповедную формулу и легла в кровать в ожидании смерти.

Я это так себе представляла: вначале голова станет тяжелой, в глазах потемнеет. А затем я глубоко засну и в этом сне переступлю через границу от жизни к смерти; к бесконечному покою.

Потому-то я и выбрала этот вид смерти.

Мне хотелось, чтобы это было не очень грубо, без дерганий руками и ногами, и так, чтобы не было пути для возврата.

И голова моя стала тяжелой, в глазах потемнело, но вот сон ко мне не пришел.

Сквозь полузакрытые веки я увидела, как в комнату вошел Джавад, и тогда я широко открыла глаза и уставилась на него в изумлении. Удивлена я была не тем, что ушедший Джавад теперь вернулся. Я ведь и решила уйти из жизни сама для того, чтобы встретиться с ним, это было ожидаемо. Но ведь я всё еще лежала на кровати, и двери, стены, и окна комнаты, и кружка, и кувшин с водой, и хрустальная чаша для льда – всё было на прежнем месте, то есть я всё еще существовала, я еще не ушла, я еще была в этом мире, и удивительным было то, что, значит, Джавад пришел сюда – оттуда? И как же он пришел? Как он открыл запертую на замок дверь? И я спросила:

– Джавад, как ты пришел сюда, на эту сторону?

– Это для вас есть та сторона и эта, – ответил он, – но не для нас, мы ведь смотрим сверху.

– Ты пришел, чтобы забрать меня? – спросила я.

– Нет, – ответил он. – Я пришел, чтобы тебя оставить здесь.

И тут я испугалась и крикнула:

– Джавад! Мне не до шуток сейчас, я перерезала все связи с этим миром. Не делай так, чтобы и ниточка между нами лопнула!

Он нахмурил брови, встал с места и сказал:

– Очевидно, что ты не имеешь ни грамма уважения ко мне и не ставишь ни в грош мою репутацию.

Я привстала, чтобы прервать его, вернее, попыталась при-

встать и не смогла.

– Какое отношение это имеет к твоей репутации? – спросила я. – Я столько времени унижалась и мучилась ради сохранения твоей репутации! И вот твоя благодарность?

Он принес со столика в углу комнаты пустую чашу для льда и опустился на колени рядом с моей кроватью.

– Ширин!⁹ – сказал он. – Сегодня ты унизила меня перед всеми родными и близкими! Ты пустила по ветру мою честь и славу. Я столько лет гордился тобой, я хвалился твоей выдержкой и упорством. Ах, если бы я мог дать тебе понять, как мне тебя не хватает! Как хотел я, чтобы в тот вечер, когда ты укладывала спать моих голодных детей, старательно рассказывая им сказку, а потом, еще более оголодавшая, чем они, едва смогла дойти до кровати, – как хотел я показать тебе твое превосходство надо мной, как хотел я, чтобы ты увидела, до какой степени справедлив Божий порядок! Чтобы ты увидела, что здесь есть такие степени и звания, которых не удостоиваются даже шахиды, их получают за заслуги, похожие на твои дела того дня.

– Джавад! – ответила я. – Но не осталось ни проблеска надежды...

– Если откроешь глаза как следует, – сказал он, – увидишь много проблесков. Их столько, этих проблесков, сколько людей на земле. И это не узенькие проходы к Богу, это дороги, и даже столбовые дороги. А если ищешь тропочку под

⁹ Ширин (перс. «сладкая») – популярное женское имя.

настроение, лучше не ищи: попадешь в тупик.

– До каких же пор следует терпеть? – спросила я.

– Не успеешь глазом моргнуть, и всё кончится, – ответил он. – Если бы ты могла увидеть время отсюда, сверху... Когда глянешь отсюда вниз, то увидишь, что целый век короче дня. И неужели не стоящее дело – потерпеть эти полдня в обмен на вечность блаженства?

Я молчала. Он приблизил пустую чашу для льда к моему лицу и поднес пальцы к моему рту. Я невольно открыла рот, и он сунул мне в горло свой палец, похожий на светящийся рог, – и я извергла из желудка всё то, что выпила, всё это вылилось в чашу.

И мне стало легко, как после родов. И я рассмеялась в ответ на нежную улыбку Джавада, и, хотя глаза мои закрывались от усталости, я сказала:

– Ты сделал свою работу, Джавад! Ты дал мне вечность.

Джавад нежно коснулся обеими руками моих век и моих щек, и вытер остатки слюны с уголков моего рта, и чуть слышно произнес:

– Остайся здесь! Дорогая Ширин, остайся!

Когда я пришла в себя, то увидела, что чашу Джавад опорожнил, прибрался в комнате и ушел – только что ушел. Я еще услышала поворот ключа в замке входной двери – значит, это он уходил. Может, если бы он чуть тише закрывал эту дверь, я так быстро не пришла бы в себя.

ХВАТИТ НА ЖИЗНЬ¹⁰

Только тогда, когда нож дошел до моих костей, я вспомнил об уважаемом господине министре. И сказал себе: а разве дела могут стать еще хуже, чем уже стали? Существует ли цвет темнее черного? Пойду и всё честно и без утайки ему расскажу. Не убьют ведь меня.

Ах, если бы эта мысль пришла мне с самого начала... Я ведь слышал, что все, кто входит в кабинет к господину министру, выходят оттуда довольными и счастливыми. Стало быть, всё, что я делал до того, было сплошной глупостью...

Я должен был в первый же день, как только вошел в Министерство землеустройства, пойти в этот главный кабинет.

Вместо этого меня спровадили в кабинет зама по документарному подтверждению.

И я сказал ему: господин! Я владею землей площадью пять тысяч метров – получил ее в наследство от дяди. Хочу часть ее продать, а на вырученные деньги построиться на остальной части и жить на ней. Каков должен быть порядок моих действий?

Господин замминистра задумчиво покачал головой и ответил: всё сложно. Очень сложно. Вступление в наследство,

¹⁰ Время действия этого рассказа относится приблизительно к 1970-1976 гг., т. е. показана ситуация, непосредственно предшествовавшая революции (*Прим. авт.*).

раздел площадей, продажа, строительство, жизнь – каждое из перечисленного представляет собой отдельный проект. У вас начались большие трудности.

– Это так, – ответил я. – Смерть дяди действительно...

Он улыбнулся: нет, я вовсе не об этом говорю. Я о земле.

– О земле? – удивился я. – Большие трудности?

– Да. Уже на первом этапе пятьдесят процентов, то есть две с половиной тысячи метров, уходят в качестве налога на наследство.

Я удивился: земля?! Уходит?! Налог на наследство? Две с половиной тысячи метров? Почему?

Он встал, расправив плечи, заложил руки за спину и начал ходить по кабинету.

– Вы какую роль сыграли в смерти вашего дяди?

Я испугался: я? Я клянусь, что никогда...

Он прервал меня: клясться не требуется. Я вам верю. Вы не сыграли никакой роли в смерти вашего дяди. Я правильно понимаю?

– Совершенно правильно.

– Зато мы сыграли важную роль.

– Вы? В смерти моего дяди?

– Не только вашего дяди. Но всех. Инфляция, дороговизна, бюрократия, пробки и тысячи других проблем служат причиной того, что народ мрет и наследники быстрее получают ожидаемую ими собственность. По этой причине государство и взимает налог: плата за услуги наследникам в деле

получения соответствующего наследства.

Я сказал: значит, я теперь должен отдать две с половиной тысячи метров в виде налога?!

– Таков закон, – ответил он. – Но я сделаю так, что вы заплатите налог лишь в объеме тысячи метров.

– Вы очень добры ко мне.

– Совершенно верно, и по причине этой доброты я принимаю ваш дар в размере пятисот метров.

* * *

Я вышел из кабинета зама по документарному подтверждению, потеряв полторы тысячи метров земли. Как это произошло, я только что сообщил уважаемому господину министру. Конечно, я пытаюсь, насколько это возможно, излагать всё в сокращении. Я сказал себе: если я буду докладывать обо всех деталях моих переговоров с заместителями, то потребуется дня три, а то и больше. Следовательно, нужно сокращать. И я лишь перечисляю главное.

Ведь если господин министр – добрый человек, это еще не значит, что я должен злоупотреблять его временем больше, чем я заслуживаю.

Зам по озеленению и нормам демократии спросил меня:

– Деревьев на вашей земле не имеется?

Я ответил: деревьев нет. Было несколько дикорастущих кустов, и я их выкорчевал.

В этот миг зам по озеленению и нормам демократии так вскинулся, точно в него ударила молния:

– Выкорчевали? Вот так запросто? Вырвали из земли естественно выросшие кусты и благородно в этом признаетесь? А разве вам неизвестно, как наличие кустов помогает сдерживать движение песков в солончаковой пустыне?

Я спросил изумленно: пустыня? Здесь?

– Нет, вы не понимаете. Весь земной шар когда-то был пустыней.

– А какая связь со мной?

– Вы так говорите, будто должна быть прямая механическая связь...

– Но что же мне теперь делать?

– Что я могу сказать. Если вы теперь даже всю вашу землю засадите деревьями, это не компенсирует отсутствие тех кустов. Всю вашу землю следует теперь превратить в зеленую зону или, по меньшей мере, в университет. Другого пути нет.

Я сказал: другой путь есть, он обычно открывается, когда попадают в тупик.

Он ответил: отлично. Дело в том, что наш дом очень маленький, и я бы не отказался, если бы мои дети смогли по-свободнее вздохнуть на пространстве в пятьсот метров.

– Пятьсот? – переспросил я.

– Да, – ответил он, – всего-навсего, и ваша проблема будет полностью решена.

– Полностью.

– Более чем полностью. Вы отныне будете иметь разрешение любое дерево в мире, где бы оно ни росло, выкорчевать, спилить, сжечь в печке и так далее... А если кто-то будет против, то мы вас поддержим.

* * *

Обо всём этом я докладываю уважаемому господину министру. В обмен на пятьсот метров земли мне разрешили выкорчевать любое дерево в мире по моему желанию. Мне кажется, это совершенно несправедливо. Что такое пятьсот метров по сравнению со столь всеобъемлющей лицензией?

Зам по кладам и хищениям с полной уверенностью заявил мне, что, мол, в вашей земле имеются клады.

Я ответил: клянусь Пророком и всеми праведниками, я вообще...

– А проверить просто, – перебил он меня. – Перекопайте всю землю на глубину пятнадцати метров – за ваш счет. Если клад обнаружится, он – наша собственность. Сдадите и получите официальный акт о приемке. Если не обнаружится, то вы были правы. У нас ведь с вами не вендетта.

– А нельзя ли... – сказал я.

– Можно, – ответил он. – Почему же нельзя? Я и мои компаньоны владеем фирмой по отысканию кладов с помощью новейших технологий. Без перекопки земель и прочего кровопролития. И себестоимость гораздо меньше, чем перекоп-

ка всей земли на глубину пятнадцать метров.

– Но у меня денег как таковых нет, – сказал я.

– А кто говорит о деньгах? – удивился он. – Просто: зачем вам столько земли с кладами. Отрежьте пятьсот метров, и дело с концом!

– Так всё просто?

– Да, всё очень просто.

Итак, я докладываю господину министру о доброте и понимании зама по кладам и хищениям, а также довожу до вашего сведения, что я подарил пятьсот метров заму по обводнению и светосжиганию и тысячу метров заму по гвоздеванию и развитию. С полным моим удовольствием и совершенно добровольно.

Последнее бюро – зама по изучению соседей – я также успешно миновал, подарив пятьсот метров земли. Мне было сказано, что главная моя трудность – это местоположение участка, а именно: то, что он находится в хорошем месте.

Я ответил: это не моя вина, что земля в хорошем районе города. Если бы я мог, я бы взял в руки всю эту землю и перенес бы ее в самое что ни на есть плохое место – тогда на мою долю не выпало бы столько трудностей и несчастий.

Уважаемый господин спросил меня: что лучше, тысяча метров пустой земли или пятьсот полной?

Я уточнил: под «полной» землей что подразумевается?

Изволили ответить: та земля, вокруг которой полно высокопоставленных деятелей.

И далее объяснили мне: сто метров такой земли предпочтительнее многих тысяч метров земель пустых. Тут уже я с полнейшей охотой преподнес в дар заму по изучению соседей пятьсот метров моей земли.

И вот я вошел в кабинет господина министра. Как только я вошел, господин министр, в знак глубокого уважения ко мне, изволил в прямом смысле слова приподняться, так что я от благодарности и стыда чуть не провалился под пол.

До этого замы даже головы еле-еле поднимали, чтобы ответить на мое приветствие.

Я спросил господина министра: что мне теперь делать? У меня осталось пятьсот метров земли и никаких денег на строительство. У меня, впрочем, нет жалоб на господ заместителей, однако...

Тут они встали; уважаемый господин министр изволили лично встать и с лицом, воспламенившимся гневом, изволили крикнуть мне:

– У вас нет жалоб? А я ведь их всех в кулаке держу со всеми их потрохами! У нас не как в других министерствах, где делают всё, как их правая нога захочет. Я всю землю до сантиметра вырву из их когтей!

Я восхищенно спросил:

– И вернете мне?

– Конечно, нет, – ответил он...

И на крике господин министр продолжал:

– Не по уму сделано, господин! Я ничего не знал о пере-

численных вами проблемах. Имело место полнейшее самоуправство! Совсем люди распустились.

– Вы проведете проверку, господин министр? – спросил я.

– Конечно, проведу. Четыреста девяносто пять метров вашей земли забираю у вас и сам лично досконально разберусь в вашем деле.

Я спросил ошеломленно: то есть мне остается всего пять метров?

Изволили ответить: пять метров вам даже много. Зачем они вам? В недалеком будущем упокоитесь на двух метрах, и никаких проблем у вас не будет. А на этих пяти метрах вы можете построить башню высотой в пятьдесят и эксплуатировать ее. Главное – иметь разрешение на строительство, и я лично вам его выдам.

Я спросил: вы действительно это сделаете?

Изволили ответить: конечно, сделаю.

И они поставили подпись на маленькой бумажке и вручили ее мне.

И я, счастливый и восхищенный, вышел из кабинета, понимая теперь тайну радости других, кто выходил отсюда. Одновременно мною владело и чувство огорчения: почему я не пришел сюда раньше?

Лето 1976 г.

Эпидемия

Я и несколько моих друзей были арестованы по обвинению в стрельбе в сторону собственных детей. Такая стрельба имела место, это правда; но это не вся правда.

Мы беспокоились о наших детях, мы боялись, что они разятыся, мы скорбели о том, в какую страшную ситуацию они попали, но никогда мы не имели намерения убить собственных детей. Разве можно помыслить, чтобы кто-то стрелял по своим детям?!

Вначале никто не считал присутствие в городе свиней опасным. Но мы начали бить тревогу с самого начала.

Когда в городе появилась первая свинья, некоторые кричали «ура», некоторые просто удивлялись, некоторые сокрушенно качали головами. Первая свинья проскользнула по улицам и переулкам с неуверенностью и страхом. Она заглянула в некоторые дома и собрала вокруг себя некоторое количество детей. Они радовались тому, что так близко видят настоящее животное. Часть детей, правда, побежала прятаться по домам, но другие стояли вокруг и смотрели.

Однако мы начали бить тревогу: ведь мы считали свиней поистине нечистыми, мы уже видели, как в других городах их появление вызвало разрушительные последствия. Поэтому мы били тревогу, но наши предупреждения терялись в приветствиях тех, кто изо всех сил кричал свиньям «ура».

Потом появилась вторая, третья свинья, и их присутствие в городе стало совершенно обычным. Свиньи занялись размножением, их число росло неуклонно, и вскоре они взяли под свой контроль все до одного районы города и во всех районах организовали игры местной детворы.

Те, кто приветствовал появление свиней, приводили такие аргументы: мол, у детей появилось занятие, отвлекающее их от шалостей и неподобающих игр.

Мы криком кричали: занятие, но какой ценой, и какое занятие может быть хуже этого? И слышали в ответ, что, мол, общение детей со свиньями улучшает их понимание животного мира; еще нас обвиняли в противодействии просвещению и биологической науке.

Некоторые говорили: то, что происходило в других городах, было лишь случайностью, и вывод должен быть такой, что не следует паниковать. Если бы свиньи действительно были опасны, их не встречали бы так тепло везде и повсюду.

Мы лишь оплакивать могли эти беспомощные доводы и, рыдая, вопрошать: «Как можно размеры эпидемии считать доказательством ее безвредности?»

Ответа мы так и не услышали.

Кое-кто еще и такие мысли высказывал: мол, сами по себе свиньи не являются нечистыми. Если, мол, мы как следует отмоем свиней от грязи, то они и будут совершенно чистыми.

А позже, когда своей грязью они переполнили все улицы

города, эти же люди говорили: что ж, если мы хотим иметь свиней, то мы должны и терпеть связанные с этим неудобства.

И как мы ни кричали, что мы вообще не хотели иметь свиней, наших голосов никто не слышал.

Через некоторое время дети уже совершенно привыкли к свиньям, и тогда на улицах появились хозяева свиней. За то, чтобы дети могли по-прежнему играть со свиньями, они теперь потребовали плату.

Родителей это вначале шокировало, но началось давление со стороны детей, прослышавших об этом, началась конкуренция между детьми, и в результате родители согласились и на оплату, и на ее постепенное увеличение.

Дети же из неблагополучных семей вынуждены были соглашаться на всё, на любую работу, чтобы тоже добыть себе возможность оплаты.

Мы по-прежнему криком кричали и решительно протестовали, но нас по-прежнему отказывались слушать.

Результатом наших постоянных протестов стало лишь то, что против свиней были выпущены прокламации, где осуждалось увеличение их поголовья.

Однако ни в одной из этих листовок ни слова не говорилось ни о хозяевах свиней, ни о тех целях, которых они хотят добиться, поощряя игры со свиньями.

Владельцы же свиней, видя пассивность и робость народа, постепенно смелели и наглели и уже начали затаскивать

детей следом за свиньями в свои дома.

Прошло всего несколько месяцев после появления свиней в городе, а среди детей уже распространился вирус свиной болезни.

Это и было то самое, что мы видели в других городах, это было то, чего мы боялись, против чего мы предостерегали.

Девочки, как только заражались свиным вирусом, срывали с себя одежду и в таком виде бегали по главным улицам города и по паркам.

Мальчики, заражаясь, вели себя в точности как свиньи, а именно: при всём честном народе, на улицах и даже на перекрестках, без всякого стыда и без зазрения совести начали справлять большую и малую нужду.

И никто не предпринял ничего для противодействия этому, никто не озаботился лечением эпидемии.

Народ настолько был занят повседневными делами и добыванием средств к существованию, что вообще не думал ни о чем, кроме того, как свести концы с концами.

Но мы объявили хозяевам свиней войну. Мы, хотя и знали, что шансов на победу у нас нет, что силы неравны, все-таки, повинувшись чувству долга, объявили войну. И это в то время, когда нас решительнейшим образом все предостерегали против этого, приводя такие аргументы:

- Враг значительно сильнее вас.
- Враг пользуется поддержкой извне.
- Враг пустил в городе глубокие корни.

– Враг совратил детей многих представителей городской власти.

– А каким оружием воевать?

– Поражение неизбежно.

– Да и вообще, ради чего? Сосредоточьтесь на собственной жизни.

– Не надо лезть на рожон.

Но эти доводы не только не ослабили нашу решимость – они мобилизовали и вдохновили нас. Потому что все эти доводы были связаны с успехом в этом мире и с упрочением такового, но мы уже давно определили, что наши отношения с миром совсем иные.

И вот одним холодным зимним утром мы разобрали всё то оружие, что у нас было, и напали на штаб владельцев свиней. Однако после первых же залпов мы услышали из их лагеря очень знакомые стоны. Прекратив стрелять, мы приблизились. Голоса раздавались из вражеских окопов. Враг окружил свой лагерь высокими брустверами из мешков, защищавшими окопы. И ошибки не было никакой: голоса эти действительно были нам знакомы. Оказывается, враг построил круговые укрепления не из чего-либо, а из живых людей. И в этих людях мы узнали собственных детей.

Мы растерялись.

Мы оказались в тупике при виде врага, защищающего себя детьми.

Если бы мы продолжили стрелять, мы убили бы собствен-

ных детей, а если бы прекратили огонь, то стали бы свидетелями медленной смерти этих же детей. И вот мы стояли перед самой неразрешимой проблемой в своей жизни.

Но прежде, чем мы смогли что-либо предпринять для разрешения этой роковой для нас проблемы, нас арестовали и препроводили в суд.

И теперь нас обвиняют в том, что мы стреляли в сторону собственных детей. Стрельба имела место, это правда; но это не вся правда.

Неумелый вор

Когда, выглянув из окна аптеки, я увидел, что какой-то человек возится с дверцей моего автомобиля, я вначале чуть не закричал: «Держи вора!»

Но потом я решил мгновенным броском достичь машины, схватить его за шиворот и привести в чувство. И, комкая в кармане бланк рецепта, я выскочил из аптеки и побежал к машине. На полпути, однако, я решил, наоборот, приложить все усилия, чтобы казаться спокойным, ведь так мне будет проще схватить вора и сдать его в полицию.

И вот я замедлил шаг и с полным кажущимся безразличием подошел к нему.

Вор между тем в своей работе отнюдь не продвинулся: он всё так же нервно озирался и возился с замком.

И вот я уже был буквально в метре от него и легко мог бы наброситься на него, или, к примеру, одной рукой обхватить его «замком» за шею, или, напав сзади, схватить его за обе руки, или нанести удар кулаком в бок, или мощным ударом по затылку свалить его на землю... Но я предпочел ничего этого не делать. Вместо этого я хладнокровно и спокойно остановился рядом с ним и спросил:

– Вижу, трудности возникли?

Вор попытался спрятать свою растерянность:

– Нет... Просто дверца не открывается.

В лице его не было ничего воровского. Вообще-то у воров не должно быть запоминающейся внешности, но в его случае неумелость и растерянность выдавали как минимум его непрофессионализм. Его лицо и поведение в высшей степени вызвали сострадание, так что я практически вынужден был спросить:

– Я могу вам чем-то помочь?

– Нет, спасибо, – ответил он, не прекращая возиться с замком. – Ключ затерялся, и вот пытаюсь проволокой открыть.

Я сказал сам себе: «Удивительная наглость!» – и продолжал стоять и смотреть на него.

Вдруг мне пришло в голову: а не продолжить ли ту же самую игру дальше? Куда она в конце концов приведет? Ведь и вор, и машина фактически у меня в руках, поводов для беспокойства нет...

– Не хотите мои ключи попробовать? – предложил я.

Он оглянулся на меня:

– Неплохо было бы.

Для очистки совести я добавил:

– Но с условием: если подойдут, подвезете меня в одно место.

Он схватил мои ключи:

– Молитесь, чтобы подошли, тогда отвезу вас, куда угодно.

И он вставил ключ в замок, и дверца легко открылась, после чего он заинтересовался моими ключами:

– Но у вас у самого должна быть машина?

– Была машина, – ответил я. – Но теперь остались одни ключи. – И я продолжал: – Вы только от двери потеряли или от зажигания тоже?

– Все они были вместе, – ответил он.

– Тогда дайте я попробую моими включить зажигание. У меня счастливая рука.

Он согласился, и машина легко завелась.

– Если разрешите, – продолжил я, – я ее и поведу. Не так давно сам водил машину.

Он поколебался, потом возразил:

– Я предпочту сам вести.

– Как вам удобнее, – ответил я и вышел из машины. И, огибая ее, пошел к пассажирской двери.

Вор сел за руль, и я на миг подумал: сейчас он газанет и умчится, и как я тогда выглядеть?

Но странное спокойствие заставило меня отбросить эту мысль, а когда вор открыл мне пассажирскую дверцу, то этот вариант уже стал невозможен.

И я сел в машину, и вор повел ее и спросил меня:

– Куда прикажете вас везти?

– А вы решили сдержать слово? – спросил я.

– А почему же нет?

Он всё еще был растерян и затравленно озирался по сторонам. И я сказал:

– Вы выглядите очень обеспокоенным. Состояние у вас

тяжелое, да?

Мы уже выехали на проспект, и он ответил:

– Не могу скрыть от вас одну вещь.

– Тогда скажите.

– Знаете, почему я вам не дал сесть за руль?

– Нет. Откуда мне знать?

– Эта машина краденая, – сообщил он. – Мне не хотелось, чтобы вы попались на ней.

Злость моя неожиданно пошла на убыль. Я сказал сам себе: «Ворюга он, конечно, неумелый, но до чего симпатичный!»

– Почему же она краденая? – спросил я вслух.

– Не спрашивайте, – ответил он. – Я вообще не знаю, почему вам это сказал.

– А я знаю, почему, – сказал я.

– Знаете? – спросил он изумленно. – Вы?

– Потому, что вы совсем не профессионал в этом деле. Вы неопытны. Первый раз вообще это делаете.

Он был поражен. До такой степени, что проехал перекресток на красный свет, чем вызвал раздраженные сигналы других водителей.

– Но как вы это поняли?! – спросил он.

– Понять несложно, – ответил я. – Вы настолько непрофессиональны, что даже не можете скрыть свою неопытность.

Он почувствовал себя так, словно все покровы вдруг бы-

ли сорваны и он стоит передо мной голенький. Об этом свидетельствовал его обезоруженный и изумленный взгляд.

Потом он спросил тоном простеца, едва ли не слабоумного:

– Так куда вас везти?

– Это неважно, – ответил я. – Вы поезжайте по вашему маршруту. Как только он отклонится от моего, я тут же выйду. Но мне нужно, чтобы вы ответили на один вопрос. Почему вы пошли на воровство?

– Я не вор, – ответил он. – И не буду таковым. Я от безвыходности это сделал, всего один раз, и последний.

– А если появится владелец машины, что вы сделаете?

– Я ему всё объясню... – ответил он. Слезы навернулись ему на глаза, и он, едва сдерживая рыдания, продолжал: – Я объясню, что у меня дочка в больнице, и мне нечем заплатить за операцию. Я скажу, что машину эту использую лишь на покрытие медицинских расходов. Может, колеса только продам. Неужели нашей доброй девочке суждено умереть из-за неумелости отца?

– Из-за неумелости в воровстве? – перебил я его.

Он растерялся и замолчал на полуслове. И так долго молчал, что я подумал, что ему нечего ответить.

И вдруг он зарыдал. Остановил машину у обочины и, всхлипывая, ответил так:

– Если хотите знать правду, то да. Неумелость в воровстве. Я был сотрудником городской администрации. Не ря-

довым сотрудником – начальником небольшого отдела. И я не мог видеть того воровства, которое там происходило. Я не выдержал. Устроил скандал начальнику аппарата, высказал всё, как есть, и уволился.

Я невольно воскликнул:

– Из огня да в полымя! И там воровство, и тут – какая разница?

Он вспылил и возразил мне на крике:

– Это не полымя! Разница есть! Полымя там было: адский огонь! Здесь я только перед Всевышним отвечаю за зло, причиненное одному человеку, а там – всему населению...

– А почему вы на меня кричите? – остановил его я. – Ведь я-то ни в чем не виноват.

Он сдержал себя, но рыдания и всхлипывания не прекратились.

– Простите меня. Я давно без работы, я болел, нервы расшатались, не мог выйти из депрессии. Я для собственного излечения, ради сохранения чести пожертвовал собственной жалкой жизнью... И я не знаю, что мне делать. У меня нет выхода.

– Раз машина теперь ваша, что с ней сделаете?

– Машина меня спасет, – ответил он. – Я смогу выжить. Мне не стыдно за то, что я сделал. Неважно, что я в свое время получил университетский диплом, важно, чтобы я не вернулся в эту воровскую шайку.

– Что ж, так и сделайте, – решил я. – Мне в свое время эта

машина помогла. Колеса не советую снимать: пустой номер. На этой машине благословение. С тех пор, как я ее купил, только бензин заливал и масло поменял – больше никаких на нее расходов.

Было такое впечатление, что его хватил сердечный удар. Он еле вымолвил:

– Так... вы...?

– Ничего страшного, – сказал я. – Вот, берите техпаспорт на машину, чтобы с полицией не было проблем. Когда она вам станет не нужна, припаркуйте ее там же, перед аптекой, а ключи у меня есть запасные. Я заберу ее, и все дела.

Он всё не мог выговорить:

– Так вы... Сами... вы...

– Обо мне не думайте, – сказал я. – Господь велик. Я пока еще не опускался до самого дна.

Мужчина опустил голову на руль, а я, чтобы не смущать его, чтобы он не начал извиняться или отказываться, поскорее вышел из машины и, не оглядываясь, пошел прочь в противоположном направлении.

* * *

Через несколько дней ко мне домой нагрянули полицейские и, показав мне техпаспорт машины, первый вопрос задали такой:

– Человек, который скончался от инфаркта за рулем этого

автомобиля несколько дней назад, – он какое к вам имеет отношение?

Ошеломленный, я невольно произнес:

– Отношение?! Я сам и был этим человеком...

Незаконченное дело

Прошу поверить: ошибаются те, кто делает вывод, будто я сошел с ума. Ничего подобного. Судите сами, и да рассудит Аллах: будь я сумасшедший, разве я сидел бы и вот так вежливо беседовал с вами, всего-навсего ничтожным журналистом?!

Ну о каком сумасшествии можно говорить, если я в общей сложности убил только пятнадцать человек?!

Возраст мой или ваш тут вовсе ни при чем. Говорят, что в старину существовала вещь, называемая «разум»: она была у многих людей, и они ею пользовались. Но сегодня, благодаря технике и прогрессу цивилизации, вы не найдете почти никого, кто использовал бы этот инструмент.

Э, подожди, юноша, не выключай свой диктофон! Слушаюсь! Перехожу к сути дела, хотя – скажу тебе откровенно, и не сочти за дерзость – ты тоже удивительный осел, если ищешь новости именно здесь.

А суть дела именно в этом и заключается, ведь сами по себе убийства и даже массовые убийства ничего нового собой не представляют.

Всё произошедшее вращается вокруг этой свадьбы.

Иранский проспект вы знаете. Выше улицы Мостаджаб, по правую руку, есть переулок под названием «Доктор Санг». Это довольно узкий переулок, по которому может

проехать только одна машина.

Не доезжая до конца этого переулка будет другой, гораздо шире предыдущего; он приводит к рынку Сагга-баши.

По правой стороне этого широкого переулка второй дом – очень большой и великолепный – и был местом той самой свадьбы.

И вот нам – то есть мне и еще пятерым – было поручено обеспечить порядок на свадебном вечере.

Ну что ж, охрана порядка на свадьбе отнюдь не была делом новым. И для нас это было обычным делом, и для организаторов свадьбы.

В нашу задачу входило как обеспечение безопасности, так и контроль за тем, чтобы не было незаконных действий. Алкоголя, танцев, азартных игр, драк и тому подобного. Но на сей раз дело пошло совсем не по правилам. Получилось, что инициаторами незаконных действий оказались мы сами.

Вот отсюда-то всё и началось...

...Нет, простите: началось не отсюда. Началось оно со сватовства. Если я немножко путано излагаю, то причиной тому расстройство моей психики. Но не делайте поспешных выводов о моем безумии.

До того, как меня поместили сюда, в сумасшедший дом, меня очень сильно в тюрьме донимали расспросами, это и является причиной расстройства или несбалансированности психики.

Но я говорил о сватовстве.

К нашей старшей сестре сватались многие, но, к несчастью, у каждого был дефект, причем весьма существенный. Один был слепой, другой калека, еще один не просто тупой, а умственно отсталый; еще один был садист, другой – колдун-гадальщик; в общем, естественно, что семья не хотела отдавать свой любимый цветок на поругание таким людям.

Однако последний жених, да минует вас его участь, обладал обманчивой внешностью. Хорошо одет, говорит хорошим слогом и никаких явных внешних дефектов.

Однако проведенное дознание установило, что данный господин жених имел два основополагающих недостатка: первое – это наличие неподобающих друзей, таких как музицирующие гуляки, пьяницы, контрабандисты, неимущие бродяги, хулиганы, не раз пускавшие в ход ножи, и вообще – невоздержанные, разнузданные типы...

Вторым было наличие отрицательного досье в виде неудачного предыдущего брака, но это к нашему разговору не имеет прямого отношения.

Итак, по упомянутым причинам и я, и отец сказали «нет».

Но тут слюну, что называется, пустили остальные члены семьи, родственники, в том числе и старшие, и в конце концов, вопреки моему и отцовскому мнению, свадьба все-таки состоялась.

На свадебном вечере я играл две очень важные роли. Во-первых, я был братом невесты, а во-вторых, членом бригады по обеспечению порядка и безопасности.

Правда, мне перед свадьбой говорили: мол, на этот вечер забудь ты о работе, получи удовольствие от праздника! Оденься понаряднее и вместе со всеми поживи для себя, повеселись; но мне эти советы были не ко двору. Я сказал: долг и ответственность важнее всего, даже важнее самой жизни.

Чтобы быть ближе к эпицентру свадьбы, я выбрал пост возле главных дверей. Старший нашей бригады и его зам сидели в машине, которую поставили на углу, таким образом, они контролировали и эту сторону, и то, что происходило на улице за поворотом.

Уже в первый час свадьбы я увидел, что гости не вполне подходящие. Сами личности, типы их, их хиджабы, их украшения, манера одеваться – всё было странным и неожиданным.

Когда я сделал замечание одной из пришедших, которая уже на углу сняла хиджаб и шествовала по переулку в мини-юбке, она очень рассердилась. Повернувшись к отцу жениха, спросила:

– Вы что, разве не расплатились?

– Почему, расплатились! – ответил он. – Расходы оказались больше, чем на саму свадьбу.

– Так почему этот господин делает замечания?

– Он немного недопонял, – ответил ей отец жениха, – но не беспокойтесь, мы всё решим. Прошу вас...

До меня в тот момент еще не дошло, о чем идет речь. Но я сказал сам себе: «Я вам покажу недопонимание, я всем вам

такое покажу, что у вас голова с задницей достигнут полного понимания».

Вот с этого-то всё и началось...

Впрочем, нет, началось не с этого. Но после этого оно усугубилось.

Отец жениха подозвал нашего старшего и что-то ему сказал на ухо. И тут я впервые в жизни увидел, как наш начальник перед обычным человеком – но уж так заискивает! Руку на грудь, «слушаюсь! Как скажете» и так далее...

После этих переговоров начальник подозвал меня:

– Дорогой мой! Саид-джан!

А это впервые в жизни было, что наш начальник столь уважительно ко мне обратился. «Дорогой мой! Саид-джан!» И он продолжал:

– На один только вечер, прошу тебя, закрой глаза. Один вечер – это ведь не тысяча вечеров. Жених твоей сестры никуда не годится, это да. Но ради сохранения чести семьи как-нибудь замазать бы надо: не дави всем твоим весом.

– А я как раз во имя моей сестры, – ответил я, – во имя сохранения чести семьи! Я как раз...

Он меня перебил:

– Понимаю я всё, дорогой Саид! – Затем уже более официальным тоном подытожил: – Это приказ!

– Слушаюсь, – ответил я.

Но в душе-то у меня вовсе не было послушания, а это ведь весьма важный момент, на который некоторые начальники,

слегка похожие на ослон, не обращают должного внимания. И не ухмыляйся, парень! Я ведь серьезно говорю.

В общем, я вернулся на свой пост и, как ответственный человек, стою и стараюсь ничего не видеть и не слышать.

Но разве это возможно? Если у человека есть глаза, разве может он не видеть, а раз есть уши, может ли он не слышать?

Ну, допустим, я не вижу и не слышу: ни того, как пьют водку, ни слишком бурного веселья, бесстыжих танцев и прочей развязности... Но было одно, чего я не мог игнорировать, а именно – отсутствие всех моих друзей. Вечер уже дошел до середины, а не было ни одного из тех, кого я лично пригласил. Невозможно, чтобы это было случайностью.

И я вошел в дом и прямо посреди этого бедлама начал названивать по телефону. Прежде всего позвонил домой Джаваду, и он сам снял трубку.

– Ты где, парень?! – спросил я. – Почему не пришел?!

– А ты, я гляжу, попал в высшие слои общества?! – спросил он меня. – С нами теперь уже и не знаешься?

– Ерунду не говори, Джавад! – ответил я. – Собирайся и приезжай.

– Это зачем? – спросил он. – Чтобы меня опять развернули?

– Кто же такую ошибку совершил? – не понял я.

– Меня дальше первого поворота не пустили. Сказали, Саид извиняется и отменяет приглашение.

Я ушам своим не поверил. Позвонил еще нескольким ре-

бяткам и узнал, что их всех остановили на углу и под каким-то предлогом завернули назад.

Я опять набрал номер Джавада.

– Джавад! – сказал я ему. – Пахнет заговором.

– Наконец-то, – ответил он. – Вижу, голова у тебя варит!

– И что теперь делать? – спросил я.

– Зажмурь глаза крепче, – ответил он.

– А плохой запах как?

– А ты нос зажми, – посоветовал Джавад.

– А как же мне дышать? – спросил я.

– А ты не дыши, – ответил он.

Господин журналист, вы всё поняли? Это тот самый Джавад, которого сейчас пытаются выставить соучастником преступления.

Джавад – гуляка, Джавад – бессребреник, но душа его такая, что он муравья зря не обидит. Что уж говорить об убийстве пятнадцати человек, каждый из которых генетически сам убийца или вор, вымогатель или кидала...

А ведь во время войны было не так. На фронте проявлялось истинное лидерство. Выдержка рождалась при виде того, как рядом с тобой падают товарищи.

Это через несколько лет после конца войны всё началось. Научились молчать в тряпочку, сидеть по своим углам и иметь ранимые души... Но оставим это...

Я бросил трубку телефона и вышел во двор. Вижу, что положение дел стало еще более странным, чем раньше. Го-

сти по большей части уже расходились, и никто ничего никому не объяснял. Мои товарищи – ответственные за безопасность – тоже куда-то делись. Ни машины, ни их самих...

Мне стало холодно, а ведь вечер был теплый. Но я как-то дрожал изнутри. Я невольно сел на порог двери и обхватил коленки. Может быть, чтобы согреться или чтобы унять дрожь в теле.

В конце переулка я увидел Джавада: он приехал на своем мотоцикле, усталый весь и растрепанный. Я еле встал на ноги. Подойдя ко мне, он без предисловий заявил:

– Иди домой, Саид. Чего ты тут торчишь?

– Я должен быть здесь, – возразил я. – Я назначен ответственным!

А он с горькой усмешкой спросил:

– Ответственным за что, Саид? Свадьба закончилась.

Поздно уже.

– Я вижу, что гости разошлись, – ответил я. – Но, по крайней мере, невеста-то с женихом здесь? Основное – невеста и жених.

– А их тоже нет, – ответил он. – Невесту-то украли.

– Кто? – удивился я. – Семья жениха?

– Нет, – ответил он. – Если бы они...

И Джавад вдруг заплакал.

– Так кто ее увел? – недоумевал я.

– Был сговор, – ответил он. – Те самые, кому заплатили, чтобы они следили за порядком, потом получили еще боль-

ше, чтобы не следить ни за чем.

– Но я же здесь дежурил! – воскликнул я. – Как же они уехали?

– А задняя-то дверь! – Джавад продолжал плакать. – Берегись задней двери, Саид...

И тут Джавад прочел в моем лице гневную решимость. А мы с ним понимали друг друга без слов. И, чтобы сбить меня с моего решения, он сказал:

– Не сходи с ума, Саид! Бесполезно это.

– То есть что же, сидеть сложа руки? – спросил я. – Ничего не делать?

– Поедем ко мне домой, – предложил он. – Вместе посидим и погорюем.

– Лучше ты погорюешь на моей могиле, – сказал я.

– Не делай этого, Саид, – не сдавался он. – Придет время, и мы еще пригодимся.

– Если мы на что-то сгодимся, – ответил я, – то вот это оно и есть. А если нет, то уже ни на что не годны будем.

Вначале у меня не было цели убить пятнадцать человек. Я предполагал ограничиться теми пятью-шестью, кого я видел этим вечером и кто, очевидно, участвовал в сговоре. Но каждый из них в тот самый момент, когда чувствовал горячим виском холод моего кольца, давал адрес вышестоящей личности, замешанной в заговоре.

И я дошел до цифры «пятнадцать», когда меня арестовали.

Справедливости ради скажу, что сработали они быстро. Только-только я начал постигать всю механику этого дела, получил в руки главные ниточки, выходил на центр этого заговора, и тут меня безосновательно и незаконно задержали и еще более безосновательно и незаконно взяли Джавада и остальных ребят, которых в тот вечер не пустили на свадьбу.

И вот я теперь, в конце моей жизни, имею два последних желания. Желания, которые имеет право высказать любой приговоренный к смерти. Первая моя просьба: освободить всех остальных парней и поверить тому, что они не играли никакой роли в том, что сделал я.

И вторая просьба: выпустить меня отсюда на один-два дня, чтобы я довел до конца свою работу – потом я вернусь сам, и меня могут казнить, сколько их душе угодно.

Несправедливо ведь приговаривать человека к смерти за незаконченную работу.

Шахский родственник

Поистине мое присутствие в вашем искреннем и приятном обществе внушает мне чувство гордости и благополучия.

В то время, как за этими стенами хаос и разруха достигли невероятных размеров, здесь, в теплой, дружеской атмосфере, чувствуешь, что такое настоящая общественная безопасность.

Я благодарен вам, искренне благодарен за то, что ввели меня в ваш круг и что с помощью различных инструментов пригласили меня на это заседание.

...Прежде чем ответить на этот вопрос, разрешите выразить надежду, что присутствующие здесь друзья сделают из этих предисловий вывод о моей более чем обычной скромности и в своих газетах отметят такое мое выдающееся качество, как полное смирение.

Пишите правду, господа!

...Теперь к первому вопросу, поступившему к нам и звучащему так: «С чего вы начинали?»

Очень хороший вопрос. Иногда, перефразируя, его задают так: в чем причина или в чем тайна вашего успеха?

Для ответа на этот вопрос я должен немного отступить назад. Правда, мое положение и данное кресло не очень поощряют такие движения, но я все-таки попробую.

С тех пор прошло несколько – даже много – лет... Да, я еще был мальчишкой, но на одном весьма важном собрании один из соотечественников спросил меня: не являетесь ли вы потомком – сыном – господина Магами?

И я громко и с гордостью ответил:

– Почему же не являюсь? Являюсь!

– Сколько же вам лет? – спросил он.

– С вашего разрешения, – ответил я, – мне идет пятнадцатый годок!

И в душе моей я возрадовался тому, как тонко я это выразил: что, мол, с разрешения старших, я уже вырос большой. Уважаемый соотечественник в знак поощрения похлопал меня по плечу и сказал:

– Слава Аллаху, тысячу раз слава Аллаху за то, что вы уже такой большой.

Я был счастлив оттого, что так вырос, но всё же ответил:

– Я стесняюсь.

– Чего? – удивился он.

– Того, что я, может быть, когда-нибудь слишком вырасту.

– Нет... – ответил он. – Собственно говоря, в наше время и в наших условиях, чем больше вырастет человек, тем лучше.

– Благодарю вас! Я буду стараться.

– Но чрезмерно себя не напрягайте, – заметил он напоследок...

Вот так я начал мой рост. Если не сказать, что ты уже боль-

шой, то когда ты им станешь?

Может, вы не поверите, но именно эта встреча изменила меня.

Первое, что я сделал после нее, это прекратил школьные занятия. Я понял, что в наше время и в наших обстоятельствах люди становятся большими не в школах.

Впрочем, не всё было делом рук моих. Можно сказать, что сама школа меня исключила. Там увидели, что я как следует не учусь, уроков не делаю, учителей не слушаю, и сказали: мол, вам лучше быть вне школы, чем внутри нее.

А отец мой парировал: да и черт с ними, я тебе свою школу куплю.

Нужно отметить, что в то время отец еще не поднялся до самых высших государственных постов.

Но не прошло и недели, как он купил на мое имя частную школу, и вскоре я понял: если человек может быть директором школы, зачем ему бесполезная учеба? И я взял на себя общее руководство школой и назначил себе заместителя, ведающего организационными вопросами.

Конечно, чтобы полностью не оторваться от образовательного процесса, я некоторое количество часов также посвящал учебе. Позже мы основали и «Свободный университет» – полностью свободный и так далее; я думаю, вы в курсе. Не скроешь от вас и того, что первые докторские степени мы присвоили сами себе, чтобы университет обрел кредит доверия.

Одно из приятных воспоминаний тех времен связано с возникновением противоречий между нами и местным полицейским участком, что закончилось моим незаконным арестом.

В тот же день отец решил открыть собственную полицейскую префектуру; решил и сделал. У нас дома было несколько дубинок, мы их вложили в проект; в магазине на улице Сепях купили униформу, набрали знакомых ребят на должности и в два дня пустили в ход отделение полиции частного сектора.

Для того чтобы задействовать народное представительство, мы объявили, что все по мере сил должны нам помочь, и действительно, местное население и близкие нам люди по мере доходов стали участвовать в этом деле, и мгновенно появились все атрибуты полицейского участка: от железных проржавелых столов и стульев, от свистков и фуражек до спальных топчанов, нар за решеткой и полосатых арестантских одежд. От графина с лимонадом, от бумаги и карандашей до вертелов с мангалами, от ботинок и пепельниц до повязок на глаза, веревок, наручников и виселицы. От гробов и ружей с патронташами до треснувшего телефонного аппарата и будки дежурного при входе; от заспанного часового до обкуренного уборщика; и так далее, и тому подобное... В общем, за короткое время дело настолько пошло в гору, что мы по числу обвиняемых и осужденных, по количеству заявлений и по размеру наших доходов обогнали префектуру-

ру государственного сектора.

После этого успеха мы перешли к тому, чтобы учредить между нашими собственными землями и Тегераном ряд контрольно-пропускных пунктов, с тем чтобы ликвидировать трудности в области транспорта и перемещения людей и грузов.

И вновь был успех, и далее был предпринят следующий шаг, а именно – основание сети частных таможенных постов на точках въезда в страну; это тоже оказалось весьма полезным начинанием.

Я уверен, что вспомнить об этом будет приятно и рассказ об этом вас не утомит, но количество вопросов, переданных мне, велико, и я поистине не могу столь подробно останавливаться...

...В перерыве я попил воды и просмотрел вопросы, и вот я мало-помалу прихожу к выводу, что всё это похоже больше на судебное заседание, чем на брифинг для прессы.

Но это, однако, неважно, и я полностью сохраняю самообладание. Хотя уже понимаю, что вооруженные охранники, сопроводившие меня сюда из моего рабочего кабинета, были не декоративным эскортом, а скорее нарядом для моего привода сюда; и всё же поводов для беспокойства не вижу, ибо мы не ивушка, дрожащая на этих ветрах; корни наши глубоко ушли в заскорузлую почву власти, и словами нас не испугаешь, а на вопросы я легко мог бы отказаться отвечать... Именно так... Хотя вот, вооруженные друзья выражают же-

стами, что не мог бы, показывают на свое оружие, и я, конечно... Как бы это сказать? В любом случае... Могу привести старинную поговорку: тот, кто чист, боится ли ревизора? Вообще-то, я думаю, произошла ошибка, совпадение имен, например... Или еще какая-то... Ведь никогда не предполагалось, что я окажусь на скамье подсудимых. Мы для этой скамьи намечали и даже готовили совсем других людей, потому всё это весьма неожиданно и удивительно... И все-таки я попытаюсь смотреть на происходящее как на собрание друзей, а на вопросы буду отвечать для анналов истории и географии. Ибо друзья мои повсюду, и они вскоре получат сведения об этом заседании, после чего данный сектор планеты будет целиком заасфальтирован.

В ответ на следующий вопрос: «Откуда вы всё взяли?» — я отвечаю так. Нам ничего не нужно было брать, у нас уже всё было.

Сколько я себя помню, у нас всё время было всё хорошо. Предки наши владели полями и садами, и еще в те времена, когда люди ездили на осликах, у нас были самые лучшие ослы; я вообще не помню, чтобы я когда-нибудь ездил на второсортном осле.

Специалисты по экономике знают, что богатства плодятся и размножаются подобно живым людям, поэтому нынешние наши блага являются как бы внуками и правнуками того первоначального имущества; конечно, в смысле расширенного воспроизводства. Богатства наши, следовательно, рос-

ли, но ведь они не украдены!

Теперь я должен сказать дорогим вооруженным друзьям, что к дулам автоматов у меня есть определенная чувствительность, то есть я как-то теряю нить разговора... Да-да. По возможности, не могли бы вы изменить направленность этих стволов? Вот еще и фотовспышки не слишком благотворны для моих глаз: вообще, предметы старины фотографировать со вспышками запрещается.

Следующий вопрос касается монополии на выращивание и экспорт чая, установление которой пытаются выдать за мое преступление.

Это поистине смехотворно и удручающе: ведь наши деды и прадеды всегда специализировались на чае, нас на этом напитке вырастила мама, и даже грудных она вскармливала нас чаем вместо молока.

А то, что мы земли, лежащие втуне, использовали под чай, разве это не служение нашему государству? Разум и совесть говорят, что да, пусть даже это и неправда.

Задают и вопрос о моей сестре и ее занятии делами благотворительности, торговлей наркотиками, конным и лыжным спортом и так далее.

По этому поводу я официально заявляю, что дела моей сестры, как в частности, так и в целом, не имеют ко мне никакого отношения, и я об этих делах, во-первых, ничего не знаю, а во-вторых, осуждаю их.

Я, кстати, возражал даже против рождения сестры, однако

давление со стороны отца и со стороны окружения, а также соображения общественной пользы... В общем, она появилась на свет. Но подумаем: разве есть вред от того, что она теперь действует так же, как, к примеру, развивающиеся страны: пытаюсь заявить о себе, вывести женщин на общественную арену, вовлечь их в политику, в употребление наркотиков, в конный спорт и так далее. И начинаешь подозревать: уж не зависть ли заставляет вас задавать эти вопросы? У сестры есть право принимать собственные решения, и точка.

В следующем вопросе меня обвиняют в том, что я скупил по дешевке земли в нескольких регионах, объявил эти районы туристическими и торговыми зонами и продал землю по высокой цене.

Это вы называете обвинением? Если бы и правда земля дорожала от произнесения слов о ней, то поступайте так же. Но такие дела – не шутка, они требуют гениальности. Любой первый встречный не может просто присвоить имя региону, а если и присвоит, то его никто за ним не повторит.

Прошу вас далее по мере сил воздержаться от подобных вопросов и обвинений. Вот задают похожий вопрос насчет определенных островов: считайте, что озвученный выше ответ относится и к нему.

А что касается этих яростных и мстительных взглядов, которыми смотрят на меня некоторые из здесь присутствующих, то я дам нужный ответ после заседания. Так что будьте

осторожнее.

Еще пишут: монополия на открытие представительств иностранных фирм. Явно обвинение ошибочно. Оставалось лишь несколько иностранных фирм, чьи представительства мы не контролировали: следовательно, термин «монополия» здесь неподходящ.

Далее пишут: скупил целый проспект в Германии и виллы на юге Франции; опять же, ложность этого ясна как солнце. Ни Германия не продает свои проспекты, ни нам они не были нужны.

Мы купили только здания на этом проспекте, а сам проспект остается в распоряжении общества, и по нему ходит транспорт.

Относительно Франции также ясно, что отнюдь не все виллы мы скупили на ее юге. Неужели у нас хватило бы денег для этого?!

Закупки вооружения, взятки и получение процентов от сделок – тоже явная ложь. Я в своей жизни не сделал ни выстрела и пугаюсь одного вида винтовки, как же мне закупать оружие? Я даже убийства, которые считаю необходимыми, поручаю другим людям. Так мне ли работать на рынке вооружений?!

Торговля нефтью, подземными, морскими и прочими запасами – это всё из того же разряда вопросов.

Спрашивают: какое положение я занимал в правящей клике?

Здесь, во-первых, отмечу, что вы задаете вопрос в прошедшем времени, словно всё уже кончилось. А ведь это не так. Наши глаза и уши полны видом и шумом протестов и гулом выстрелов и взрывов. Так что особо не заблуждайтесь.

Во-вторых, в самом начале заседания я сказал о своем положении, и если вы внимательно слушали, вы всё должны были понять. Я сказал, что я – сын господина Магами, и для меня вообще не было необходимости занимать какие-либо посты внутри режима. Семейное положение и так было ответственным делом, отнимающим всё мое время и не оставляющим возможности для другой работы. Правда, была у меня дополнительная нагрузка: я был зятем господина доктора Фарханги; всё же большую часть времени занимало первое вышеуказанное дело.

Пишут дальше: руководил семьюдесятью пятью компаниями легковых автомобилей. Друзья! Да вы что? Побойтесь Бога! Вы же правду знаете лучше меня. А то, что вы написали, – явная ложь.

Если я даже все остальные обвинения признаю, то это буду отрицать.

Если вы не знаете цифр и фактов, как вы осмеливаетесь вообще подавать голос?

Я руководил только семьюдесятью семью компаниями. И точка.

Я уверен, что все вы, сидящие здесь, скорее поверите в цифру 75, чем в цифру 57, но я решительным образом заяв-

ляю вам, что вы ошибаетесь. А если вы не верите мне... Что ж, имеете на это право.

Пишут: крупнейшее ваше преступление – это злоупотребление высоким служебным положением.

Господи! Сколько я ни повторяю – не желаете слышать.

Ей-богу! Такую вещь, как «высота служебного положения», – мы сами же ее и создали; власть – мы сами ею и были. Мы могли для того, чтобы трудоустроить одного человека, создать целое министерство, основать фонд или другую организацию. Как можно было злоупотреблять тем, что мы сами и построили?

Употребляйте хотя бы такие слова, которые будут принадлежать к судебной лексике, а то я в этом суде ни одного уместного слова от вас так и не услышал.

Ну что же, снаружи доносится шум и треск выстрелов и вдохновляющий грохот вертолетов; всё это говорит мне, что прибыли мои друзья и что наконец можно поставить точку в этом смехотворном деле и задать всем вам такого перца, что до конца дней ваших не забудете, хотя я не думаю, что этих дней вам осталось много. Разве что чудо вас спасет, но в наши времена, как известно, чудес не бывает.

Но, чтобы не оставить неотвеченным ни одного вопроса, я сейчас озвучу последний, полученный мною, и отвечу на него, чтобы, дорогуши мои, ни один из вас не ушел бы из этого мира босой, голый и разочарованный.

Итак, вот последний вопрос; он, в отличие от предыдущих

записок, в закрытом конверте, снабженном печатью секретности. Но, поскольку вы проживаете сейчас последние минуты вашей жизни, никаких тайн и секретов у меня от вас нет. И я на глазах у вас распечатываю...

Итак... Вопрос звучит следующим образом:

«Какой вид смерти... Какой вид смерти... вы пред... почитаете? Расстрельный взвод?.. Веревку виселицы?.. Всё уже приготовлено, чтобы...»

Нет... Мне эти глупые шутки вовсе... Видите ли... Поистине, клянусь Аллахом! Я ни в чем не замешан. Всё это делали другие люди, а я к ним был в оппозиции. Нет, будьте добры... Передергивать затворы на заседании столь... Я вообще предпочел бы остаться в живых... Но если выхода нет... То мои давние проблемы с сердцем... Сердечный приступ...

Современный Каин

Здание, по верхнему этажу которого мы прохаживались, было самым высоким зданием в городе. Старший брат сказал:

– Мы приняли решение... – (Акогда он говорил «мы», то имел в виду самого себя...) – Приняли решение отдать самое высокое здание города самому маленькому члену нашей семьи. Оно будет местом твоей работы, отдыха, а также источником твоих доходов.

Я ответил, оглядывая с высоты красивую панораму города:

– Вообще-то я предпочитаю стоять на своих ногах.

Здесь он хладнокровно сгреб меня в охапку, крепко схватил за ноги и вниз головой свесил меня с этой высоты, то есть с самого высокого здания в городе.

Настолько же, насколько я худенький, низкорослый и слабый, Старший брат, наоборот, высоченный и здоровенный. Я словно был ребенком в руках великана, легко покачивающего меня в подвешенном состоянии между небом и землей.

Старший брат отлично знал, что я до потемнения в глазах с детства боюсь высоты; от нее мне сразу становится очень плохо. Возможно, именно поэтому он и выбрал данное место для разговора. У меня было ощущение, что мой желудок и сердце вот-вот вывалятся изо рта, в глазах у меня потемне-

ло, но я старался не барахтаться. Шли секунды, и вот я уже привыкал, что весь мир перевернулся вверх ногами, тогда он немножко подтянул меня вверх, так чтобы живот мой лег на парапет, а ноги коснулись бы пола, точнее, поверхности крыши.

Но голова моя и плечи всё ещё свешивались вниз: так меня удерживала его лапа, заграбаставшая мою рубаху.

– Если брат поступает недостойно, – спросил он, – что с ним нужно сделать?

– Его надо убить, – ответил я хрипло, едва выдавливая голос из горла. – Таков был закон всегда, начиная со времен...

– Историю Авеля и Каина я знаю, – перебил он. – Не юродствуй.

– Я готов к этой судьбе, – вновь прохрипел я.

Он поднял меня и посадил на парапет.

– Вот и ошибся. Мы не такие отсталые.

– Заставите меня покончить с собой? – спросил я.

– И это уже в прошлом.

– Вы большим экспертом стали, – мое дыхание немного восстановилось. – Раньше вы таким не были.

– Жизнь изменилась, – ответил он.

Это была правда: после смерти деда очень многое изменилось: и ситуация, и люди, и больше всех изменился Старший брат.

Деду для управления семьей в конце жизни не нужны были уже ни слова, ни дела. Одно давление его взгляда расстав-

ляло всех по местам. Дед был грозен и был славен; а отец мягок, обаятелен, но времена были уже не те, чтобы можно было кого-нибудь без ругани заставить занять свое место.

Наша борьба, впрочем, началась еще в дедовские времена...

«Не делай этого, братец! – сказал я ему тогда. – Не продавай эти рукописи! Всё, что у нас есть, появилось благодаря этим пергаментам. Предки перевернутся в гробу, если узнают, что ты выставил на торги главное достояние нашей семьи, нашего рода...»

После этих слов Старший брат затаил на меня злобу. И если даже кто-то другой заговаривал о рукописях, он делал вывод, что это я подстрекаю, и ненависть его ко мне росла.

– Ты парень хороший, – говорил он мне. – Единственная проблема в том, что слишком много болтаешь.

– Вообще-то я весь молчание, – отвечал я. – Четыре слова в сутки – это много?

– Не прикидывайся дурачком, – говорил он. – Я имею в виду то, что ты пишешь.

– Укажите на ошибки, – предлагал я. – Я их исправлю.

– Опять скорость прибавил! Очень быстро едешь.

– Но и рулем я владею, – отвечал я. – Я внимателен к тому, чтобы...

– Внимательность твою к делу не пришьешь! – обрывал он меня. – Тот, кто быстро едет, хочешь – не хочешь, столкнется с нами. А в столкновениях с нами под колеса попадает

другая сторона.

Тут он был прав. В семье были братья и сестры, которые в результате столкновений попадали в больницу, в психлечебницу или на кладбище; а если ты начинал докапываться до сути дела, то видел, что они превысили скорость.

Я сказал тогда:

– В нашей семье большинство подвержено порокам и вредным привычкам. Ни к какому делу люди не годны.

А он хладнокровно ответил:

– Уж лучше это, чем совать свой нос куда не следует.

– Так, значит, правду говорят, – спросил я его, – что вы сами их довели до этого состояния?

– Кто под нас не подстраивается, – ответил он, – того мы сами под себя подстроим. Профессия у нас такая: строительство.

Старший брат строил и продавал: это была его работа. Покупал дома на снос, ускоренно возводил на их месте дешевое некачественное жилье и забивал его жильцами.

Отец не раз кричал ему: «Эти дела не имеют будущего!» Но голос отца терялся в строительном шуме, в лязге лопат и стуке топоров.

И вот он посадил меня на пол, отпустил мою рубашку и, яростно глядя на меня, приказал:

– А теперь вставай на ноги. Я буду с тобой серьезно говорить.

Тут невыносимый страх и апатия овладели мной.

Ничего я с этим не мог поделать: мы все боялись Старшего брата. Кто-то больше, кто-то меньше... Не потому только, что у него была власть и все рычаги управления нашей семьей. Много вокруг было людей с гораздо большей властью, чем у него, а мы их не боялись. Его страшились потому, что знали: он ни перед чем не остановится. Ничто ему не могло помешать сделать то, что он захочет.

Он сам любил вызывать и усиливать в нас это чувство. Внедрил ужас в души других братьев и подчинил их себе, сделав своими иждивенцами.

Оставался только я, ведь я сам добывал свой хлеб. Зарабатывал я чтением стихов и писанием рассказов, рисовальными заказами. Запросы жизни моей свел к минимуму и гордился тем, что стою на своих ногах и говорю свои речи.

И вот я встал. Встал с трудом и стоял. Спрятал взгляд от его взгляда и опустил голову.

– Что у тебя есть в этом мире, – спросил он, – что ты так упрямишься?

– Ничего нет, – ответил я. – Лишь немного чести.

– С этого момента на нее не надейся. Однажды утром встанешь и узнаешь, что и ее не осталось.

– Я ведь ни в чем не виноват, – возразил я.

Он ослабился, с шумом выпустил из ноздрей и изо рта целую тучу воздуха и с наигранным равнодушием произнес:

– Наше искусство состоит в том, что нам признаются в несодеянном.

Боль пронзила мой позвоночник. На лбу выступил холодный пот, а ноги ослабели, и я сел на пол.

Когда следующим утром я прочел собственные признания о себе, я немедленно решил обратиться к ближайшему представителю власти и сдать ся ему. Мне было стыдно находиться рядом с самим собой.

Ошейник волдырей

Врач убрал свои инструменты в саквояж и накрыл лицо Адхама белым полотном. Повернувшись к Хормат, сказал ей:

– Инсульт головного мозга. Словно давным-давно умер.

Хормат сжимала в кулаке платок и вытирала им слезы. Лилось у нее больше из носа, чем из глаз.

– Доктор, он вчера вечером пришел домой здоровый, как огурчик. Поужинал, взял чашку с чаем и ушел к себе, то есть вот сюда. Ну и лег, конечно. Утром я послала Ройю разбудить его, идти за молоком. Она кричала-кричала – не встает. Я сама через дверь сколько ни кричала – не просыпается. Потом вошла, ну и вижу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.